

Паоло Бачигалупи
Водяной нож
Серия «NEO»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18112331
Водяной нож / Паоло Бачигалупи: Издательство АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-090262-0

Аннотация

К середине XXI века юго-западные штаты Америки испытывают дефицит воды. Водные ресурсы стали ходовым товаром, государственные чиновники и игроки на биржах вынуждены осваивать новые статьи: параметры потока в кубических футах в секунду, количество снега и отклонения от нормы таяния, глубина и заполненность дамб и резервуаров.

Угроза превращения некогда плодородных земель в пыльную каменистую пустыню вполне реальна.

Калифорния перехватывает инициативу у других штатов, играет против правил, пытаясь монополизировать живительный поток реки Колорадо, подкупая продажных политиков и отрезая от водных артерий поселки и малые города.

А в это время отчаявшиеся внимают проповедникам секты «Веселых Перри», верящим, что бог пошлет им дождь.

Чиновники продолжают плодить тонны бесполезных бумаг.

Бедняки безропотно умирают...

А юная журналистка, описывающая гибель города Финикса, осмеливается заглянуть за кулисы системы распределения воды. Что же принесет ее опасное расследование?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	49
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Паоло Бачигалупи

Водяной нож

© Paolo Basigalupi, 2014

© Школа перевода В. Баканова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

С потом связаны целые истории.

Пот женщины, которая по четырнадцать часов, не разгибаясь, работает под палящим солнцем на луковом поле, отличается от пота мужчины, молящегося Санта-Муэрте, чтобы *federales* на КПП не были подкуплены его врагами. Пот десятилетнего мальчика, который смотрит в дуло пистолета, отличается от пота женщины, которая ковыляет по пустыне и молит Святую Деву, чтобы тайник с водой оказался именно в месте, обозначенном на карте.

Пот – это сжатая история тела. Пот выступает на лбу, оставляет соленые пятна на рубашке. Пот расскажет тебе все о том, как человек оказался в нужном месте в неподходящее время, и о том, проживет ли он еще день.

Анхелю Веласкесу, который сидел высоко над центральной скважиной Кипарис-1 и наблюдал за тем, как Чарльз Брекстон топает по Тропе каскадов, пот на лбу адвоката говорил, что некоторые люди слишком много о себе воображают.

Брекстон мог сколько угодно расхаживать по офису и орать на секретарш, сколько угодно мог красться по залу суда, словно маньяк с топором, подстерегающий новую жертву, – но по большому счету он был под каблуком у Кэтрин Кейс. А если Кэтрин Кейс приказывает что-то сделать быстро, то ты, *pendejo*¹, не просто бежишь, а бежишь до тех пор, пока у тебя сердце не останавливается.

Брекстон нагибался, проходя под папоротниками, ковылял мимо ползучих стеблей баньяна по отлогой тропе, петлявшей вокруг скважины. Он протискивался через группы туристов, фотографирующихся на фоне водопадов и висячих садов. Он раскраснелся, но все равно упорно шел вперед. Его обгоняли бегуны в коротких шортах и майках; в ушах у них звучала музыка и стук здоровых сердец.

Пот может очень многое рассказать о человеке.

Пот Брекстона означал, что юрист все еще способен испытывать страх. А для Анхеля это означало, что Брекстону по-прежнему можно доверять.

Брекстон заметил, что Анхель сидит на мосту, выгнувшемся над широким стволом скважины. Он устало помахал Анхелю, жестом призывая его спуститься. Улыбаясь, Анхель махнул ему в ответ, притворяясь, что не понимает.

– Спускайся! – крикнул Брекстон.

Анхель снова улыбнулся и помахал рукой.

Адвокат обреченно ссутулился и пошел на штурм последнего подъема.

Анхель облокотился на перила, наслаждаясь видами. Солнечные лучи падали на бамбук и листья дождевого леса, подсвечивали тропических птиц и пускали зайчиков по волнам прудов с карпами.

Люди далеко внизу казались меньше муравьев. Это были вовсе даже не люди, а подопытные туристы, местных жителей, работников казино – совсем как на макете Кипариса-1: масштабные модели людей, которые пьют масштабные модели латте на террасах масштабных моделей кафе. Масштабные модели детей гонялись за бабочками на туристских тропах, а масштабные модели взрослых играли в блэк-джек за масштабными моделями столов в глубоких гротах казино.

Задыхаясь, подошел Брекстон.

– Почему ты не спустился? Я же просил.

Он уронил свой чемоданчик на доски настила и прислонился к ограждению.

– Что принес? – спросил Анхель.

¹ *Pendejo* (исп.) – идиот.

– Бумаги, – прохрипел Брекстон и утомленно махнул в сторону чемоданчика. – Карвер-Сити. Только что получили решение суда. Мы их порвали.

– И?

Брекстон попытался сказать что-то еще, но не смог. Его лицо отекло и покраснело. Анхель прикинул, будет ли ему жаль адвоката, если у того сейчас случится сердечный приступ.

Впервые Анхель и Брекстон встретились в конторе адвоката, которая находилась в штаб-квартире Управления водных ресурсов Южной Невады. В его кабинете были окна во всю стену, и за ними открывался вид на Карсон-крик, где ловилась рыба на муху. Воды речушки падали каскадами по уровням аркологии туда, где их закачивали обратно наверх через новую очистительную систему. Большой, дорогой вид на радужную форель и водную инфраструктуру – хорошее напоминание о том, почему Брекстон защищает в суде интересы УВРЮН.

В офисе Брекстон помыкал тремя ассистентками – все они по стечению обстоятельств были стройными девушками, недавними выпускницами юридических колледжей. Фирма заманила их обещаниями предоставить постоянное жилье в Кипарисе. С Анхелем же он разговаривал снисходительно, словно тот – очередной питбуль Кэтрин Кейс, которого нужно терпеть до тех пор, пока он убивает других, более крупных псов.

Анхель, со своей стороны, во время встречи пытался понять, как человек вроде Брекстона мог вырасти до таких размеров. Люди за пределами Кипариса не толстели так, как он. За всю свою жизнь Анхель ни разу не видел существа, похожего на Брекстона, и восхищался плотской оболочкой человека, ощущавшего себя в полной безопасности.

Когда их встреча завершилась, Анхель решил, что если Кэтрин Кейс права насчет конца света, то из Брекстона получится хороший обед. Последнее соображение, в свою очередь, помогло ему не убить этого *pendejo* из «Лиги плюща» за то, что тот морщил нос при виде бандитских татух и шрама от удара ножом, протянувшегося по лицу и шее Анхеля.

«Времена действительно меняются», – подумал Анхель, наблюдая за тем, как с носа Брекстона стекает пот.

– Карвер-Сити проиграл апелляцию, – наконец выдохнул Брекстон. – Судьи собирались вынести решение уже утром, но из-за ошибки в расписании одну и ту же комнату выделили сразу для двух процессов. Решение отложено до конца рабочего дня. Люди Карвер-Сити забегают как сумасшедшие, готовя новую апелляцию. – Он поднял и открыл чемоданчик. – Но они не успеют.

Адвокат протянул Анхелю стопку бумаг с лазерными голограммами.

– Вот судебные постановления. У тебя есть время до завтрашнего утра, когда откроются суды. Как только Карвер-Сити подаст на апелляцию, будет уже совсем другая история. Тогда тебя ждет как минимум гражданская ответственность. Но до завтрашнего утра ты просто защищаешь право граждан великого штата Невада на частную собственность.

Анхель принялся просматривать документы.

– И все?

– Все, что тебе нужно, – если уладишь сделку сегодня. Если протянешь до завтра, снова начнутся переносы заседаний, судебные препирательства и так далее.

– И тогда получится, что ты зря потел.

Брекстон ткнул толстым пальцем в сторону Анхеля.

– Смотри у меня.

Анхель рассмеялся, услышав эту замаскированную угрозу.

– Прописку я уже получил, *cabron*². Иди, секретарш своих пугай.

² *Cabrón* (исп., груб.) – козел, подонок.

– Хоть ты и любимчик Кейс, я все равно могу испортить тебе жизнь.

Анхель даже не оторвал взгляда от бумаг.

– Хоть ты и пес Кейс, я все равно могу сбросить тебя с этого моста.

Если судить по штампам и печатям, бумаги были в порядке.

– Какой же у тебя компромат на Кейс, что ты такой неуязвимый?

– Она мне доверяет.

Брекстон недоверчиво рассмеялся, а Анхель тем временем снова сложил документы в стопку.

– Люди вроде тебя все записывают, потому что знают: каждый человек врет. Такая тема у вас, адвокатов. – Ухмыляясь, он толкнул Брекстона в грудь пачкой бумаг. – Поэтому мне-то Кейс доверяет, а с тобой обращается как с собакой.

И он ушел, оставив Брекстона сердито таращиться на него с моста.

Спустившись по Тропе каскадов, Анхель достал мобильник и набрал номер.

Кэтрин Кейс ответила после первого же звонка. Ее голос звучал резко и формально:

– Кейс.

Анхель представил ее себе, Королеву Колорадо, склонившуюся над столом. На стенах, от пола до потолка, карты штата Невада и бассейна реки Колорадо – ее владения, представленные в виде данных, поступающих в реальном времени. Красным, оранжевым или зеленым светились линии мельчайших речушек, цветом отмечая параметры потока в кубических футах в секунду. Цифры, мигающие над водосборными бассейнами Скалистых гор – красные, оранжевые, зеленые, – указывали количество снега и обозначали отклонение от нормы таяния. Вспыхивали другие числа – глубина дамб и резервуаров, от плотины «Блю меса» на Ганнисон и «Навахо» на Сан-Хуан до «Огненного ущелья» на Грин. И над всем этим светились цены фьючерсов в бегущей строке NASDAQ и опционы на покупку на открытом рынке – на тот случай, если Кейс понадобится увеличить глубину озера Мид. Неумолимые числа, которые правили ее миром так же, как она – Анхелем и Брекстоном.

– Поболтал с вашим любимым адвокатом, – сказал Анхель.

– Только не говори, что ты снова с ним поссорился.

– Этот *pendejo* – тот еще фрукт.

– Ты тоже не подарок. Получил что нужно?

– Ну да, Брекстон дал мне кучу мертвых деревьев. – Он взвесил в руке пачку документов. – Даже не знал, что в мире еще столько бумаги.

– Что написано пером, не вырубишь топором, – сухо сказала Кейс.

– Да уж, страниц пятьдесят-шестьдесят вы вырубили.

Кейс рассмеялась:

– Первое правило бюрократии: любое важное сообщение должно быть в трех экземплярах.

Анхель сошел с Тропы каскадов и направился вниз, к лифтам, которые доставят его на центральную парковку.

– Босс, тут на бумагах сотня подписей, и каждая говорит, что я вправе делать все, что захочу. «Верблюжки войска» могут и сами справиться. Это же просто доставка сообщения, только называется по-другому.

– Нет. – Голос Кейс зазвучал тверже. – Эта история тянется по судам уже десять лет, и я хочу, чтобы она закончилась раз и навсегда. Мне надоело раздавать квартиры в Кипарисе племянникам судей – только для того, чтобы и дальше претендовать на то, что принадлежит нам по праву.

– Не беспокойтесь. Мы все сделаем, Карвер-Сити и опомниться не успеет.

– Хорошо. Когда все закончится, дай мне знать.

Анхель успел проскочить в закрывающиеся двери экспресс-лифта и подошел к окну. Лифт ускорился, понесся мимо уровней аркологии, мимо размытых силуэтов людей – матерей, толкающих двойные коляски, подруг-на-час, виснувших на руках бойфрендов-на-выходные, туристов со всего света, щелкающих фотоаппаратами и отправляющих родным СМС о том, что они побывали в Висячих садах Лас-Вегаса. Мимо папоротников, водопадов и кафе.

Внизу за столами сейчас меняются крупье. В гостиницах просыпаются круглосуточные тусовщики, выпивают первую стопку водки, наносят на кожу блески. Горничные, официанты, повара и обслуживающий персонал – все уже трудятся изо всех сил, чтобы не потерять прописку в Кипарисе.

«Все вы здесь благодаря мне, – подумал Анхель. – Без меня вы были бы словно пережаренные котлеты – хрупкие косточки, тонкая кожа. Ни тебе карт, ни тебе шлюх, никакой выпивки, никакой работы... Без меня вы – никто».

Доехав до нижнего этажа, лифт с тихим звоном остановился. Дверь открылась, и Анхель увидел свою «Теслу», которая ждала его под присмотром служащего.

Полчаса спустя он шагнул по закипающей от жары бетонной площадке авиабазы «Малрой». Над ней поднимались потоки теплого воздуха, а над Спринг-маунтинз садилось кроваво-красное светило. Сорок девять градусов, а солнце только сейчас завершает свою работу. На базе зажглись прожекторы, которые тоже добавили немного тепла.

– Принес бумаги? – завопил Рейес, перекидывая вой «апачей».

– Федералы обожают нас, пустынных крыс! – Анхель протянул документы. – По крайней мере, будут обожать еще четырнадцать часов!

Полковник Рейес раньше был морским пехотинцем-разведчиком, служил в Сирии и Венесуэле, затем в горячих точках Сахеле и Чихуахуа и лишь потом наконец получил теплое местечко в Национальной гвардии Невады.

«Штат Невада лучше платит», – говорил он.

Рейес махнул Анхелю, приглашая его садиться в вертолет командования. Вокруг них стартовали ударные вертолеты, сжигая прорву синтетического топлива. Национальная гвардия Невады, она же «Верблюжья войска», она же «долбанные гвардики из Вегаса» – в зависимости от того, кому только что засадили в задницу ракету «Аид», – готовилась обрушить гнев Кэтрин Кейс на головы ее врагов.

Анхель надел кевларовый бронежилет, опустил на глаза защитные очки и подключил наушники к системе связи, чтобы слышать переговоры экипажа. Рейес сел в кресло командира и принялся отдавать приказы.

Вертолет рванул в небо. Перед глазами Анхеля на стеклах очков появились те же данные, что и у пилота – военное граффити, помечающее объекты Лас-Вегаса яркими цветными значками: обсчет целей, значимые здания, символы «свой/чужой», загрузка ракет «Аид», информация о боеприпасах для пулемета, индикатор топлива, тепловые сигнатуры на земле.

Тридцать шесть и шесть.

Люди. Одни из самых холодных объектов там, внизу. У каждого своя метка, и никто из них об этом не знает.

Смуглая, черноволосая, черноглазая женщина с биркой «Гупта» на груди подошла проверить, плотно ли пристегнут ремень у Анхеля.

– Я, наверное, знаю, как пристегиваться, да? – ухмыляясь, крикнул он.

Гупта даже не улыбнулась.

– Приказ мисс Кейс. Если мы плюхнемся и вы погибнете потому, что не пристегнулись, у нас будет очень глупый вид.

– Если мы плюхнемся, то погибнем все.

Но она все равно проверила его ремни. Рейес и «Верблюжья войска» были очень дотошными и за долгие годы отшлифовали свои методы до блеска.

Гупта сказала что-то в микрофон гарнитуры, села в кресло перед экраном пулемета и пристегнулась.

Желудок Анхеля ухнул куда-то вниз, когда их вертолет стал разворачиваться, присоединяясь к группе других летучих хищников. По визору потекла новая информация, яркая, словно ночной Вегас.

УВРЮН 6602, пошел.

УВРЮН 6608, пошел.

УВРЮН 6606, пошел.

Экран высвечивал позывные и числа – цифровое подтверждение того, что почти невидимый рой саранчи заполнил чернеющее небо и устремился на юг.

В наушниках затрещал голос Рейеса:

– Начать операцию «Медовое озеро».

Анхель рассмеялся.

– Кто это придумал?

– Нравится?

– Я люблю мед.

– А кто его не любит?

И они с грохотом помчались на юг, к озеру Мид. Изначально в нем было двадцать шесть миллионов акро-футов воды, а теперь из-за большой засухи – вдвое меньше. «Спасательный круг», оно вечно было в опасности, вечно на грани того, чтобы опуститься ниже уровня водозабора № 3. Критически важная капельница, не дававшая сердцу Лас-Вегаса остановиться.

Внизу раскинулись огни центральной части Вегаса: неоновые вывески казино, аркологии Кипарис – здания, сочетающие в себе новейшие достижения архитектуры и экологии. Отели и балконы. Купола и покрытые росой вертикальные фермы с сочными листьями, гидроропоникой и ослепительными лампами полноспектрального света.

Рекламные щиты, обещавшие шоу, вечеринки и выпивку, в военном оптическом приборе превращались в ориентиры для целей. Узкие ущелья городских улиц, предназначенные для того, чтобы изменять направление пустынного ветра, становились аллеями для снайперов, радужные крыши с фотоэлементами – зонами высадки. Аркологические города Кипарис стали ключевыми высотами и основными зонами атаки – благодаря тому, что выделялись на фоне Вегаса и затмевали собой все остальное.

Вегас закончился резкой черной линией.

Боевые программы обнаружили живых существ – прохладные точки в темном тепле городского скелета, в бесконечных рядах домов, которые годились разве что на разборку. По одной причине: Кэтрин Кейс решила, что они больше не заслуживают воды.

Тьму пронзал свет редких, одиноких костров – маяков, отмечавших места, где находились обезвоженные техасцы и зонцы. Те, у кого не было ни денег на то, чтобы попасть в Кипарис, ни другого жилья. Королева Колорадо устроила настоящую бойню в этих кварталах: ее первые кладбища, появившиеся через несколько секунд после того, как она отключила воду.

– Если они не могут охранять свои водопроводные магистрали, пусть пьют ржавчину, – сказала Кейс.

За это ей до сих пор присылали письма с угрозами.

Вертолеты пересекли буферную зону разрушенных пригородов и вылетели в пустыню. Изначальный ландшафт времен Ветхого Завета: креозотовые кусты, древовидные юкки, колючие и одинокие, пересохшие русла, белый песок, кварцевая галька.

Теперь, когда скальпель солнца наконец перестал резать пустыню, она почернела и начала остывать. Там есть животные – почти безволосые койоты, ящерицы, змеи и совы. Целый мир, оживающий только после заката.

Анхель смотрел на крошечные тепловые метки животных и думал, глядит ли на него пустыня в ответ. Может, какой-нибудь тощий койот сейчас поднял голову, услышав приглушенный гул вертолетов, и подивился натиску летающих людей?..

Прошел час.

– Почти у цели, – нарушил тишину Рейес.

Анхель наклонился вперед, вглядываясь.

– Вот она, – сказала Гупта.

Черная лента воды петляла по пустыне, прорезая горные хребты.

Лунный свет разлился по воде гладким серебром.

Река Колорадо.

Извиваясь словно змея, она ползла по бледной пустыне. Калифорния еще не втянула данный участок реки в соломинку; когда-нибудь она это сделает.

Столько испарений – нельзя допустить, чтобы солнце вечно похищало воду. Но пока что река по-прежнему текла под открытым небом, благоговейно охраняемая гвардиками.

Переговоры по радиации стихли; все замолчали при виде такого огромного количества воды.

Даже теперь, когда она уменьшилась в размерах из-за засух и отводных каналов, река Колорадо пробуждала священный трепет. Семь миллионов акро-футов воды, а раньше было шестнадцать... но все равно – столько воды, прямо здесь, на земле...

«Не удивительно, что индусы боготворят реки», – подумал Анхель.

В лучшие времена река Колорадо тянулась более чем на тысячу миль, от белоснежных Скалистых гор через красные каньоны Юты и дальше, к синему Тихому океану – бежала быстро, не встречая на своем пути препятствий. И повсюду рядом с ней возникала жизнь. Если фермеру удавалось прорыть канал, если строителю удавалось выкопать колодец рядом с ней, если владельцу казино удавалось опустить в нее насос – возникали безграничные возможности. Человек мог выжить в сорокаградусную жару, в пустыне мог расцвести город. Река была благословением.

Анхель попытался представить себе, как выглядела река, когда бежала быстро и свободно. Сейчас она текла медленно, закупоренная огромными плотинами. «Блю меса», «Огненное ущелье», «Морроу пойнт», «Солджер-крик», «Навахо», «Глен-каньон», «Хувер-дэм» и многие другие. И там, где плотины задерживали реку и ее притоки, появлялись озера, в которых отражалось небо и солнце: озеро Пауэлл, озеро Мид, озеро Хавасу...

В наше время до границы не доходило ни капли воды, сколько бы Мексика ни жаловалась, ссылаясь на Договор о реке Колорадо и на Закон о реке. Дети в Картельных Штатах вырастали и умирали, думая, что река Колорадо – такая же выдумка, как и чупакабра, о которой рассказывала Анхелю старая *abuela*³. Черт побери, большинству жителей Юты и Колорадо не разрешалось брать воду из каньона, над которым сейчас летел вертолет Анхеля.

– Десять минут до контакта, – объявил Рейес.

– Ожидаем сопротивление?

Рейес покачал головой.

– Для обороны у зонцев слишком мало сил. Почти все их части еще в Арктике.

Это все устроила Кейс – подкупила кучу политиков с Восточного побережья, которым плевать, что происходит по эту сторону континентального водораздела. Она снабжала про-дажных ублюдков шлюхами и кокаином, она топила их в океане налички для предвыбор-

³ Abuela (исп.) – бабушка.

ных кампаний, и когда у Комитета начальников штабов появлялась срочная необходимость защитить трубопроводы где-то в гудронных песках на далеком севере, единственными, кто мог выполнить задачу, внезапно оказывались пустынные крысы из Национальной гвардии Аризоны.

Анхель вспомнил то время, когда эти части отправляли на операцию, и бесконечные потоки болтовни в новостях. Давай-давай! Энергия! Безопасность!.. Ему нравилось смотреть, как журналюги давят на патриотизм и поднимают свои рейтинги. Американцы снова могли почувствовать себя крутыми безбашенными отморозками.

Это солидарность, детка.

Солдаты «Верблюжьих войск» опустили в каньон и полетели над черной водой. Река змеилась, стиснутая с двух сторон каменистыми холмами, которые толкали ее к цели.

Анхель ухмылялся, чувствуя знакомый прилив адреналина, – как в те секунды, когда ставки уже сделаны и можно только смотреть на то, какие карты выложит крупье.

Он прижал бумаги с судебным запретом к груди. Все эти печати и штампы с голограммами, ритуалы с исками и апелляциями ведут к одному моменту, когда можно наконец сбросить перчатки.

Аризона и опомниться не успеет.

Он рассмеялся.

– Времена действительно меняются.

Гупта отвернулась от пулемета и бросила взгляд через плечо.

– Что вы сказали?

«Молодая», – понял Анхель. Он был таким же, когда Кейс устроила его в гвардию и организовала постоянное разрешение на жительство в штате. Бедный, отчаявшийся человек, подлежащий высылке из страны, пытающийся найти какой-нибудь – любой – способ остаться по эту сторону границы.

– Тебе сколько лет? Двенадцать?

Она мрачно взглянула на него и вернулась к своей системе наведения.

– Двадцать, старик.

– Не злись. – Он указал вниз, на Колорадо. – Ты слишком молодая, не помнишь, как было раньше. Раньше нужно было встречаться с адвокатами и бюрократами, с их кучами бумаг, с чехлами для ручек...

Анхель замолчал, вспоминая старые времена, когда он – телохранитель – стоял позади Кэтрин Кейс во время встреч с лысыми бюрократами из городских служб водоснабжения, Бюро мелиорации, Министерства внутренних дел. Они говорили о принципах мелиорации, о сотрудничестве, эффективной обработке сточных вод, повторной переработке, создании банков воды, уменьшении испарений, вырубке тамарисков, ив и тополей. Пытались переставлять шезлонги на «Титанике», играли честно, верили, что если как следует обмозговать проблему, то ее общими усилиями удастся решить.

А потом Калифорния порвала книжку с правилами и выбрала новую игру.

– Вы что-то сказали? – повторила Гупта.

– Не-а. – Анхель покачал головой. – Игра изменилась, вот и все. В старую игру Кейс отлично играла. – Он ухватился за сиденье, чтобы удержаться: вертолет вынырнул из каньона и стал снижаться над целью. – Впрочем, в новой у нас тоже неплохие результаты.

Впереди во тьме сияла их цель – целый комплекс, одиноко стоящий посреди пустыни.

– Вот он.

Огни стали гаснуть.

– Они знают, что мы здесь, – сказал Рейес и начал отдавать приказы.

Вертолеты разлетелись в разные стороны, выбирая подходящие цели для атаки. Их вертолет, в сопровождении двух беспилотников поддержки, нырнул вниз. В очках Анхеля

еще одна группа рванула вперед, освобождая пространство. Он сжал зубы: вертолет задержался, маневрируя. Пилот выжидал, пытаясь выяснить, не захочет ли кто-нибудь на земле сбить его машину.

Вдали, на горизонте, виднелось оранжевое свечение Карвер-Сити. Яркие, сияющие дома и офисы, городской ореол на фоне ночного неба. Сколько электрических огней, сколько кондиционеров. Сколько жизни.

Гупта сделала пару выстрелов. Что-то вспыхнуло, и вверх взлетел фонтан пламени. Вертолеты прошли вдоль края водозаборных и водоочистных комплексов. Повсюду водоемы и трубы.

Черные «апахи» сели на крышах и парковках, опустили на мостовую, извергли из себя солдат. Другие вертолеты, жужжа, словно огромные стрекозы, полетели дальше. Кварцевый песок, поднятый лопастями ротора, бил в лицо.

– Представление начинается! – Рейес сделал знак Анхелю. Тот в последний раз проверил бронежилет и застегнул ремешок каски.

Гупта, улыбаясь, наблюдала за ним.

– Пушку дать, старик?

– Зачем? – отозвался Анхель, выпрыгивая из вертолета. – У меня есть ты.

Его окружили гвардики, и вместе с ними он рванул к главному входу комплекса.

Зажглись прожекторы; рабочие бросились наружу, понимая, что сейчас произойдет. «Верблюжьи войска» с автоматами на изготовку высматривали цели. Из громкоговорителя полетели слова Гупты:

– Всем лечь на землю. Ложись! ЛОЖИСЬ!

Гражданские залегли.

Анхель подбежал к перепуганной женщине, сжавшейся в комок.

– Есть тут некий Саймон Ю? – заорал он, перекрикивая шум вертолетов.

От страха она не могла говорить. Пухлая белая тетка с каштановыми волосами. Анхель усмехнулся.

– Послушайте, леди, я просто бумаги вручаю.

– Он внутри, – наконец выдохнула она.

– Спасибо. – Анхель хлопнул ее по спине. – Может, выведете отсюда своих коллег? А то вдруг тут станет жарко.

Вместе с солдатами он выбил двери водоочистного комплекса. Завидев «Верблюжьи войска», с топотом мчащиеся по коридорам, гражданские прижались к стенам.

– Прибыл Вегас! – радостно завопил Анхель. – Раздвигайте булки, мальчики и девочки!

Его заглушили приказы Гупты:

– Уходите! У вас тридцать минут на то, чтобы покинуть территорию комплекса. Те, кто останется, будут препятствовать отправлению правосудия!

Анхель и его команда добрались до центра управления. Мониторы с плоскими экранами, компьютеры, регулирующие мощность потока, качество воды, добавку химикатов, эффективность работы насосов – а также целая толпа инженеров, которые высовывались из своих загончиков, словно удивленные суслики. «Верблюжьи войска» рассыпались, взяли комнату под контроль.

– Где тут у вас начальник? Мне нужен некий Саймон Ю, – потребовал Анхель.

Какой-то мужчина выпрямился.

– Это я. – Худощавый, загорелый. Начес на лысине. На щеках шрамы от фурункулов.

Анхель бросил ему бумаги.

– Вы закрываетесь.

Ю неуклюже поймал документы.

– Черта с два! Еще будет апелляция.

– Апеллируй сколько хочешь – но завтра. А сегодня суд приказывает тебе прекратить работу. Смотри, там подписи.

– Мы снабжаем водой сто тысяч человек!

– Судьи говорят, у нас преимущественное право, – сказал Анхель. – Радуйтесь, что мы не отбираем у вас воду, которая уже в трубах. Если наберете ее в ведра и будете экономить, пару дней продержитесь, пока все не прояснится.

Ю пролистал бумаги.

– Это фарс! Это решение... оно фактически не существует! Мы остановим его исполнение, а затем оно будет отменено.

– Я знал, что ты так скажешь. Но проблема в том, что сейчас не завтра. Сейчас сегодня. А сегодня судьи говорят, чтобы ты перестал красть воду штата Невада.

– Вас привлекут к ответственности! – выпалил Ю. Он совершал просто героические усилия, чтобы сохранять спокойствие. – Мы оба знаем, насколько серьезное это дело. За все, что произойдет с Карвер-Сити, отвечать вам. У нас есть камеры слежения, все это станет достоянием общественности. Когда пойдут решения по искам, вам не поздоровится.

Ю был идейным – одним из тех, кто идет работать в правительство, чтобы сделать мир лучше. Настоящий чиновник старой школы, действительно заботящийся о благе людей. И вот теперь он уговаривал Анхеля, играл с ним в игру «проявим благоразумие, не будем торопиться».

– Это разозлит влиятельных людей, – продолжал Ю. – С тобой расправятся. Федералы не допустят, чтобы тут творилось такое.

Анхель подумал, что Ю похож на динозавра. Как, черт побери, он дожил до наших дней?

– Влиятельные люди? – Анхель тепло улыбнулся. – Может, у тебя договор с Калифорнией, а я и не в курсе? Твоя вода принадлежит им, а я почему-то об этом не знаю? Потому что, с нашей точки зрения, ты сейчас качаешь какую-то дрянную воду, купленную на вторичном рынке у какого-нибудь фермера в западном Колорадо – и козырей у тебя не осталось. Эта вода должна была давным-давно достаться нам. В бумагах так и сказано.

Ю угрюмо взглянул на Анхеля.

– Да ладно, – Анхель легонько ткнул его в плечо, – не грусти. Мы давно в этой игре и знаем: кто-то должен проиграть. По Закону о реке все достается тому, у кого преимущественное право. А всем остальным? – Анхель пожал плечами. – Ничего.

– Кого ты подкупил? – спросил Ю. – Стивенса? Арройо?

– Какая разница?

– Речь идет о жизни ста тысяч людей!

– Не нужно было рисковать ими, приобретая такие хреновые права на водопользование, – заметила Гупта из противоположного конца комнаты, где она следила за мигающими индикаторами насосов. Ю посмотрел на нее с ненавистью.

– Солдат прав, Ю. – Анхель подавил усмешку. – У тебя предписание. Даем вам еще двадцать пять минут на то, чтобы убраться отсюда, а потом забрасаем все ракетами. Так что валите.

– Вы нас взорвете?

Солдаты рассмеялись.

– Ты же видел наши вертолеты, да? – спросила Гупта.

– Я не уйду, – холодно сказал Ю. – Можете меня убить, если хотите. Посмотрим, что из этого выйдет.

Анхель вздохнул.

– Я так и знал.

Не дав Ю ответить, Анхель повалил его на пол. Вдавил колено в спину. Выкрутил руку.

– Вы уничтожаете...

– Да, да. – Анхель вывернул вторую руку Ю и надел на него наручники. – Весь город, мать его. Сто тысяч человек. И еще чью-то площадку для гольфа. Но, как ты заметил, трупы действительно осложняют дело. Поэтому мы тебя отсюда вытащим. Завтра можешь подать на нас в суд.

– Не имеете права! – сдавленно выкрикнул Ю.

Анхель встал на колени рядом с беспомощным человеком.

– Саймон, по-моему, ты принимаешь все близко к сердцу. Не надо. Мы просто винтики в машине. – Он рывком поставил Ю на ноги. – Каждый из нас лишь выполняет свою работу. – Он подтолкнул Ю к дверям и обернулся к Гупте. – Проверь остальные комнаты, убедись, что в них никого нет. Чтоб через десять минут тут все пылало!

Рейес ждал у вертолета.

– Сюда летят зонцы! – крикнул он.

– Хреново. Сколько осталось?

– Пять минут.

– Твою мать!.. – Анхель крутанул в воздухе пальцем. – Тогда заводи машину! Я получил то, за чем пришел.

С гневным визгом ожили лопасти ротора. Их вой заглушил слова Ю, но на его лице ясно читалась ненависть.

– Не принимай это на свой счет! – крикнул ему Анхель. – Через год возьмем тебя на работу в Вегас! Не стоит тебе здесь гнить, УВРЮОН нужны люди вроде тебя!

Анхель попытался затащить Ю в вертолет, но тот сопротивлялся, бросая на него яростные взгляды. Машины гвардиков стали взлетать. Анхель снова потянул Ю за собой:

– Нам пора, старик.

– Черта с два!

Внезапно Ю вырвался и побежал обратно к водоочистительному комплексу. Он спотыкался, тем не менее решительно двигался к зданию, которое покидали последние люди из его команды.

Анхель огорченно переглянулся с Рейесом.

Преданный сукин сын. Бюрократ, но преданный – до самого конца.

– Уходим! – крикнул Рейес. – Если зонщики приведут вертолеты, начнется бой, и тогда уже федералы с нас не слезут. Есть вещи, с которыми они мириться не намерены, и одна из них – это перестрелки между войсками штатов. Сваливаем отсюда!

Анхель оглянулся на бегущего Ю.

– Дай мне еще минуту!

– Тридцать секунд!

Анхель с отвращением посмотрел на полковника и помчался за Ю.

Вокруг, словно листья на горячем пустынном ветру, взлетали вертолеты. Анхель бежал сквозь облако песка, жмурясь от его укусов.

Беглеца он догнал у входа в комплекс.

– Упорный ты.

– Пусти!

Анхель с силой впечатал его в землю. От удара у Ю перехватило дыхание, и Анхель воспользовался этим, чтобы сковать ему еще и ноги.

– Не трогай меня, сука!

– В другой ситуации я бы просто зарезал тебя, как свинью, и все. – Анхель, кряхтя, взвалил Ю себе на спину. – Но так как мы сейчас действуем открыто, у всех на виду, этот вариант исключается. Хотя лучше меня не провоцируй. – Он заковылял к одинокому вертолету.

Работники водоочистительного комплекса прыгали в машины и уезжали прочь, поднимая столбы пыли. Крысы, бегущие с тонущего корабля.

Рейес сверкнул глазами.

– Бегом, мать твою!

– Я уже здесь! Уходим!

Анхель забросил Ю в вертолет и, уцепившись за ползковое шасси взлетающей машины, забрался в кабину.

Когда он пристегивался в кресле, Гупта уже вела огонь из пулемета.

Дисплей в очках Анхеля вспыхнул от множества целей. Он выглянул из открытой двери, пока боевая программа подгружала схему водоочистной станции: фильтрующие башни, двигатели насосов, источники энергии, запасные генераторы...

Вертолет выплюнул ракеты. Они бесшумно полетели, оставляя за собой огненные дуги, и с грохотом взорвались во внутренностях водозаборной инфраструктуры Карвер-Сити.

В ночи поднялись огненные грибы, окунув пустыню в оранжевый свет, подсветив силуэты черной «саранчи»: зависшие на одном месте вертолеты дали еще несколько залпов.

Саймон Ю лежал у ног Анхеля и, не в силах остановить уничтожение, смотрел на то, как рушится мир. В отсветах взрывов Анхель наблюдал за его лицом. Из глаз Ю лилась вода, не менее выразительная, чем пот: Саймон Ю оплакивал то, что с таким упорством пытался спасти. У этого уродца лед в крови; по нему не скажешь, но в крови у него лед.

«Это конец света, – подумал Анхель, когда в водоочистную станцию ударили новые ракеты. – Черт побери, это конец света».

И вдруг ему в голову пришла другая мысль – незваная:

«А я, значит, дьявол».

Глава 2

Люси проснулась от нежных, шуршащих звуков дождя и расслабилась – впервые за последний год.

Напряжение исчезло так неожиданно, что на мгновение ей показалось, будто она наполнена гелием. Невесомая. Печаль и ужас отошли, словно старая змеиная шкура; они были слишком узкие, шершавые и сухие, чтобы остановить ее взлет.

Она стала новой, чистой и легкой, словно воздух, – и зарыдала от ощущения свободы.

А когда окончательно проснулась, то увидела, что окна ее дома гладит не дождь, а песок, и на нее снова обрушилась вся тяжесть жизни.

Люси неподвижно лежала в постели, дрожа от чувства утраты и вытирая слезы.

Сон казался таким реальным: дождь, мягкий воздух, запах распускающихся бутонов. Ее поры и глинистая почва пустыни раскрывались, приветствуя этот дар, – и земля, и тело принимали чудо воды, падающей с неба. Божьей воды, как называли ее поселенцы, которые заняли прерии Среднего запада, а затем двинулись в засушливые земли по ту сторону Скалистых гор.

Божья вода.

Вода, которая падала по своей воле, прямо с неба.

Во сне Люси вода была нежной, словно поцелуй. Благословение и отпущение грехов, сходящие с небес. А теперь вода исчезла. Губы Люси пересохли и потрескались.

Люси отпихнула потные простыни, встала и подошла к окну. Немногочисленные фонари, еще не расстрелянные уличными бандами, походили на тусклые луны; их свет с трудом пробивал красноватую дымку. Буря усиливалась прямо на глазах; фонари погружались во тьму, оставляя после себя светлые пятна на сетчатке. Старая христианская тема: свет покидает мир. Возможно, смерть Иисуса. Свет, гаснущий навсегда.

Иисус уходит, Санта-Муэрте приходит.

Люси снова легла в кровать, прислушиваясь к тому, как ветер стегает ночь. Где-то на улице выла собака – наверное, дворняжка: умоляла впустить ее в дом, в безопасное место. К утру она умрет – очередная жертва Большой засухи.

К этому стону присоединился еще один – из-под кровати: Санни сжался в комок и дрожал от перемены давления.

Люси пошла налить воды в миску. При этом она невольно проверила ее уровень: знала, что осталось двадцать галлонов, однако не удержалась и посмотрела на светодиодный индикатор, чтобы подтвердить свои подсчеты.

Потом присела на корточки у кровати и подвинула миску поближе к псу.

Санни жалобно посмотрел на нее из тени. Вылезать наружу, чтобы попить, он не захотел.

Будь Люси суеверной, она заподозрила бы, что Санни – косматая австралийская овчарка – что-то знает. Слышит, как по воздуху бьют крылья дьявола. Китайцы верили, что животные чувствуют землетрясения. В Китае коммунисты однажды эвакуировали девяносто тысяч человек из города Хайчэн за несколько часов до крупного землетрясения. Люди спаслись, потому что доверяли ощущениям животных.

Ей рассказывал об этом биотехнолог из «Тайян интернейшнл» – доказывал, что китайцы видят мир таким, какой он есть на самом деле, и все планируют заранее. И поэтому Китай более стойкий, чем тот жалкий регион Америки, в который его отправили.

Если с тобой говорит животное, к нему нужно прислушаться.

Санни, дрожа, забился под кровать и скулил – негромко и жалобно.

– Выходи, малыш.

Он не сдвинулся с места.

– Ну, давай. Буря ведь не здесь, а снаружи.

Никакой реакции.

Люси села на пол, скрестив ноги, и посмотрела на Санни. Кафельный пол, по крайней мере, был прохладный.

Почему она не спит на полу? Зачем летом возиться с кроватью и простыней? Да и осенью, если на то пошло?

Люси легла на живот, прижалась кожей к плиткам. Засунула руку под кровать – туда, где был Санни.

– Все хорошо, – шепнула она, перебирая пальцами его шерсть. – Ш-ш, все хорошо. У нас все хорошо.

Она постаралась расслабиться, однако по спине бежал холодок, неприятно покалывавший кожу.

Не удивительно, что Санни не вылезает из-под кровати.

Сколько ни убеждала себя Люси в том, что пес спятил, примитивная часть ее разума верила: собака пытается ей что-то сообщить.

Снаружи было какое-то ужасное существо, темное и голодное, и Люси не могла отделаться от ощущения, что оно обратило свое внимание на нее, на Санни и на этот крошечный островок безопасности, небольшое глиняное убежище, которое она считала своим домом.

Люси встала и проверила засовы на двери в пылевую камеру.

У тебя паранойя.

Санни снова заскулил.

– Заткнись, малыш.

Ее беспокоил даже звук собственного голоса.

Она еще раз обошла дом, проверила все окна. Посмотрела на свое отражение в кухонном окне.

Разве я его не закрыла?

Она откинула покрывало из Гватемалы, почти ожидая увидеть во тьме чье-то лицо. Сейчас, во время бури, за ней никто не следил, но она все равно надела джинсы и от этого почувствовала себя защищенной. Ложиться спать она передумала. Теперь ей уж точно не заснуть.

Значит, можно и поработать.

Люси раскрыла ноутбук и приложила палец к сканеру. Ввела пароль, слушая, как ветер стегает дом. Уровень домашних аккумуляторов был ниже, чем ей хотелось бы. На них дали двадцатилетнюю гарантию, но Шарлин постоянно говорила, что все это фигня. Люси надеялась, что к утру буря пройдет и тогда можно будет вытащить солнечные батареи и восстановить заряд.

Санни снова взвизгнул.

Не обращая на него внимания, Люси включила программы, отслеживающие ее доходы. Затем выложила новый текст с фотографиями, которые сделал Тимо.

Честно говоря, текст «продавали» именно картинки: грузовик, нагруженный пожитками, тщетно пытается уехать подальше от Финикса. Очередной материал типа «порнография коллапса». Статья разошлась по Интернету, ее взяли новостные синдикаты; однако, к удивлению Люси, текст не получил того внимания, на которое она рассчитывала.

Люси изучила ленту новостей, пытаясь найти причину, из-за которой упала ее доля просмотров. У реки Колорадо что-то произошло – перестрелка или взрыв бомбы.

#Карвер Сити, #Река Ко, #Черные Вертолеты...

Крупные новостные организации уже подхватили эту историю. Люси включила видеоролик и увидела менеджера по водопользованию, извергавшего потоки брани по адресу Лас-

Вегаса. Она бы решила, что он псих, если бы позади него не виднелись разрушенные здания и пламя: доказательства того, что Лас-Вегас действительно пришел туда со своими ножами для воды и круто все порезал.

Лысеющий человек кричал, что гвардики из Невады похитили его, а затем бросили в пустыне, и что он сам добрался автостопом до развалин своей водоочистительной станции.

– Кэтрин Кейс наплевала на тот факт, что мы подаем апелляцию! У нас есть права!

– Вы обратитесь в суд?

– Конечно, черт побери. На этот раз она зашла слишком далеко.

История о том, что Карвер-Сити выпустили кишки, появилась и на других сайтах. Телестанции Аризоны, видные деятели – все пробуждали гнев, разжигали огонь местной вражды, тем самым увеличивая посещаемость сайтов и прибыль от рекламы. Доходы еще увеличатся, когда появятся сотни комментариев и когда люди выложат статью в местные социальные сети.

Люси пометила эту историю, чтобы следить за ней, затем обратилась к собственным источникам, стала искать информацию в бушующем море социальных СМИ, разыскивая истории, до которых она могла бы добраться первой и заявить о своем авторстве.

Десятки новых комментариев с хештегом #Финикс Сливаётся:

Сегодня уехал бы снова, если бы не чертова буря #Депрессия #Финикс Сливаётся

Как узнать, что ты на самом дне: ты пьешь мочу и говоришь себе, что это родниковая вода. #Финикс Сливаётся #Пакет «Клирсэк»

Есть! Мы едем на север! #Лотерея #Пока Суки

Вертушки в каньоне. Кто знает, что там? #Река Ко #Черные Вертолеты

Они все еще у дверей! Твою мать, где кавалерия

@Полиции Финикса

По шоссе 66 не ездите. #Калиф Ополчение #Стая Беспилотников #ММ16

Какого буй? Когда закрылся бар Сэма? #Нужно Выпить #Финикс Сливаётся

Фото: Рекламный щит «ФИНИКС ПОДНИМАЕТСЯ» с прилипшими к нему пакетами «Клирэсек». LOL. #Финикс Сливаётся. #Искусство Финикса #Финикс Поднимается

Люси несколько лет следила за жителями Финикса, за их хештегами и комментариями. Опосредованная карта гибнущего города. Виртуальное эхо реальной катастрофы.

Она представляла себе Финикс сточным колодцем, засасывающим все – здания, улицы, жизни, историю. Все кренилось и скользило в зияющую пасть катастрофы: песок, кактусы-сагуаро, кварталы.

Люси кружилась над этой дырой и все документировала.

Критики обвиняли ее в том, что она – просто еще один порнограф коллапса, еще один журналюга, охотящийся за непристойными изображениями, еще один из тех стервятников, которые слетелись в гибнущий Детройт или в Хьюстон после землетрясения. Однако порой у Люси возникало чувство, что она не столько эротизирует смерть города, сколько раскапывает будущее, которое появляется внизу. Она словно бы говорила: «Это мы. Вот как мы все закончим. Дверь только одна, и мы все выйдем через нее».

Когда Люси, начинающий репортер, только прибыла в город, она шутила про зонцев, наслаждалась простыми историями и микроплатежами. Зарабатывала по-быстрому на баннерах.

#Заголовок – приманка

#Порно Коллапса

#Финикс Сливаётся

Жители Финикса и его пригородов были новыми техасцами, новыми Веселыми Перри, а Люси и ее коллеги из CNN, «Синьхуа», «Киндл пост», «Франс-пресс» и «Гугл/Нью-йорк таймс» с радостью пожирали труп. Страна уже видела, как разрушается Техас, поэтому меха-

низм все знали. В Финиксе происходило то же, что и в Остине, только более масштабное, жуткое и необратимое.

Коллапс 2.0: отрицание, коллапс, принятие, беженцы.

Люси наблюдала за тем, как зонцы врезаются в стену, – наблюдала вживую и в подробностях. Рассматривала труп в мощный микроскоп, одновременно потягивая холодное пиво «Дос Экис».

#Лучше ОниЧемМы.

А затем она познакомилась кое с кем из зонцев. Пустила корни в городе. Помогла своему другу Тимо выпотрошить его дом, вырвать трубы и провода, словно кости из трупа.

Они вытащили окна-глаза, оставив дом слепо таращиться на такие же безглазые дома на противоположной стороне улицы. И она написала о том, как дом, в котором жили три поколения людей, обесценился, потому что в пригороде закончилась вода, а Финикс не решил подключиться к своей сети.

Это #Порно Коллапса, конечно, но теперь Люси оказалась одним из действующих лиц – вместе с Тимо, его сестрой Мартой и ее трехлетней дочерью, которая плакала без умолку, пока взрослые разрушали единственный в ее жизни дом.

Под кроватью снова взвизгнул Санни.

– Буря пройдет, – рассеянно сказала Люси, а потом задумалась – пройдет ли?

Все метеорологи утверждали, что в этом году можно ожидать рекордное число пылевых бурь. Шестьдесят пять уже зафиксировано, а дальше будет еще.

Но что, если пыльные бури никогда не закончатся?

По телевизору это называли *засухой*, но слово «засуха» означало, что это не статус-кво, а временное явление, которое закончится.

Но, может, им суждено жить под вечной завесой из пыли, дыма лесных пожаров, в вечной засухе, и единственным рекордом будет число солнечных дней?

На экране засверкало извещение о новостях. Радиосканер тоже оживился – затрещали рации на полицейских частотах. Что-то произошло. В лентах социальных сетей это тоже заметили.

Куча копов@Хилтон6. Наверняка там трупы.

#Финикс Сливается

На место вызывали подкрепления.

Там не какая-нибудь проститутка или работница фабрики, которую изнасиловали и бросили в пустой бассейн. Важная персона. Тот, от кого не мог отмахнуться даже департамент полиции Финикса.

Люси в последний раз с завистью взглянула на Санни, так и не вылезшего из-под кровати, и со вздохом выключила компьютер. До Карвер-Сити она, может, и не доберется, но эта, новая история была слишком важной, чтобы ее игнорировать – даже в бурю.

Люси надела респиратор и защитные очки «Дезерт адвенчер Про II» – прошлогодний подарок от ее сестры Анны. Она в последний раз вдохнула чистый воздух, взяв фотоаппарат, надежно завернутый в пленку, вышла наружу и побежала наугад туда, где, по ее представлениям, стоял пикап. Песок царапал кожу. Добравшись до машины, она нащупала ручку и наконец открыла дверцу. Захлопнула ее за собой и села, слушая, как стучит сердце и как ветер трясет кабину.

Песок шуршал по стеклу и металлу.

Когда она запустила двигатель, в салоне закружились частицы пыли; красные индикаторы на приборной панели окрашивали их завесу в красный цвет. Люси нажала на газ и попыталась вспомнить, когда в последний раз меняла воздушные фильтры. Надеясь, что машина не умрет по дороге, она включила фары и поехала по улице, покрытой выбоинами, – скорее по памяти, чем руководствуясь зрением.

Вести автомобиль было почти невозможно: дорога впереди исчезала за стеной пыли. На обочине стояло несколько машин. Кто-то решил переждать.

Кто-то поумнее ее.

Люси медленно ехала по переулкам, думая о том, зачем вообще она это затеяла, ведь в такую погоду хорошие снимки не сделаешь. И все же что-то заставляло ее спешить, хотя ветер едва не сбрасывал «Форд» с дороги. Шестиполосные бульвары Финикса, проложенные в эпоху оптимизма, были так завалены песком, что машины двигались цепочкой по одной полосе между образовавшимися дюнами, приклеивались к задним габаритным огням едущего впереди; двигались по городу, который заглатывала пустыня.

Наконец впереди возникли тусклые огоньки многоэтажки, сигнальные огни «Хилтона-6» и еще более мощное освещение на строительной площадке, где над остальным Финиксом возвышалось наполовину ожившее чудовище – аркологический город Тайян.

Балки Тайяна сверкали в бурой дымке, словно призрачные кости.

Люси припарковалась там, где, по ее ощущениям, находилась обочина, оставив включенными фары и габаритки, навалилась на дверцу и открыла ее, преодолев сопротивление ветра.

На дороге лежали горящие фальшфейеры. Из темноты появились силуэты людей в форме, бешено размахивающих фонарями, и полицейские машины с красно-синими мигалками.

Люси подошла ближе, слушая собственное дыхание. Респиратор запотел от жидкости, испаряющейся из легких. Она протискивалась мимо полицейских, тщетно пытавшихся взять под контроль место преступления.

На бульваре перемешивались реки крови и пыли.

Налобный фонарь Люси осветил пару недвижимых тел. «Просто новые трупы», – подумала она. Затем луч фонаря выхватил одно из лиц, почерневшее от корки из пыли и крови.

Люси ахнула.

Рядом толпились копы и специалисты, пытались, поборов бурю, рассмотреть хоть что-нибудь через стекла казенных масок и противогазов. Люси шагнула вперед, стараясь доказать себе, что ее ночные кошмары не воплотились в реальность.

В глазницах трупа не было глаз, но она все равно его узнала.

– О, Джейми, – прошептала она. – Что ты здесь делаешь?

Кто-то схватил ее за плечо.

– Что вы здесь делаете? – крикнул полицейский. Его голос был заглушен песком и противогазом.

Не дожидаясь ответа, он потащил ее обратно.

Люси позволила увести себя за хлопающую и развевающуюся на ветру ленту, которую разматывали копы.

ОСТОРОЖНО – CUIDADO – ## – ОСТОРОЖНО

Всего пару недель назад она сама призывала Джейми к осторожности – здесь же, в баре «Хилтона-6», где теперь посетители прижимались лбами к стеклу, чтобы получше рассмотреть его труп на отполированной песком улице.

Он был так уверен в себе.

Они пили в баре «Хилтона-6»: Люси – грязная после недели без душа, Джейми – такой начищенный, что едва не сиял в полутьме. Его светлые волосы совсем не были похожи на ее жирные сосульки, покрытые песком, – тем самым песком, который дрейфовал по тротуарам за панорамными, от пола до потолка, окнами бара.

Джейми мог позволить себе проводить в душе хоть целый день – и любил это подчеркнуть.

Бармен наливал что-то зеленое и холодное в бокал для мартини; серебряный миксер звякал о золотые перстни с черепами на коричневых пальцах...

Эти черепа запомнились Люси потому, что она перевела взгляд с них на бармена и, заглянув в его карие глаза, поняла: если бы не Джейми, ее бы давно оттуда выставили. Даже сотрудники гуманитарных организаций приводили себя в порядок, прежде чем пойти в бар заливать алкоголем воспоминания о рабочем дне. А у Люси был вид еще одной беженки из Техаса.

– Джон Уэсли Пауэлл предвидел все это в 1850-м, – говорил Джейми. – Если уж этот козел мог сесть на берег реки Колорадо сто пятьдесят лет назад и понять, что воды на всех не хватит, то, наверное, нам бы тоже следовало сообразить.

– Тогда людей было меньше, чем сейчас.

Голубые глаза Джейми холодно взглянули на нее.

– А теперь их станет гораздо меньше.

Негромкие разговоры работников гуманитарных организаций и сотрудников ООН смешивались с сюрреалистичными мотивами финской погребальной музыки. Агентство международного развития. «Армия спасения». Специалисты по засухе из «Красного полумесяца». «Врачи без границ». «Красный крест». И остальные: банкиры-китайцы из Тайяна, которые выбрались из своей аркологии и пошли гулять по трущобам. Руководители «Халлибертона» и «Ибиса», приехавшие искать воду. Они утверждали, что могут устроить гидравлический разрыв водоносных пластов и превратить их в фонтанирующие скважины – и Финиксу нужно всего лишь оплатить расходы. Частные охранники – и при исполнении, и отдыхающие. Высшие чины службы по борьбе с наркотиками. Несколько богатых беженцев – Веселых Перри негромко переговаривались с «койотами», которые переправят их через последнюю границу и вывезут на север. Странное сочетание сломленных людей, доброхотов и хищников, обитающих в осколках цивилизованного мира. Шпаклевка, заполняющая трещины катастрофы.

Джейми, похоже, прочитал ее мысли.

– Все они падальщики. Все до единого.

Люси отхлебнула пива и с наслаждением прижала холодный стакан к щеке, покрытой коркой засохшей пыли.

– Пару лет назад ты бы сказал то же самое про меня.

– Нет. – Джейми продолжал наблюдать за падальщиками. – Ты должна была оказаться здесь. Ты – одна из нас. Как и остальные идиоты, которые не видят, к чему все идет. – Он выпил водки.

– О, я знаю, к чему все идет.

– Тогда почему не уехала?

– Здесь больше жизни.

Джейми резко и цинично рассмеялся. Его смех нарушил приглушенный полумрак бара и потревожил клиентов, которые лишь притворялись расслабленными.

– Люди по-настоящему живут только перед смертью, – сказал он. – Ты не ценишь жизнь до тех пор, пока не окажешься в полной жопе.

Они немного помолчали, потом он продолжил:

– Мы знали, что все полетит к чертям, но все равно смотрели и ничего не делали. За подобную тупость нужно премию давать.

– Может, просто не знали, как в это поверить, – возразила Люси.

– Вера. – Джейми фыркнул. – Я мог бы поцеловать тысячу крестов. Долбаная вера. Вера – это для Бога. Для любви. Для доверия. Я верю, что могу на тебя положиться. Я верю, что ты меня любишь. Я верю, что Бог смотрит на нас и смеется.

Потягивая водку, он крутил бокал для martinini двумя пальцами и смотрел, как в нем плавают оливки.

– Думаешь, такие люди, как Кэтрин Кейс в Вегасе, во что-то *верят*? Тут главное – видеть. Чистая информация. В информацию не верят, ее проверяют. – Джейми скорчил гримасу. – Мы и облажались в тот момент, когда решили, что слово «информация» сочетается со словами «верить» и «не верить».

Он махнул рукой в сторону пыльной авеню. Проститутки из Техаса зазывали клиентов, мимо медленно проезжали машины: тусовщики из Калифорнии и пятаки из аркологии прибыли, чтобы выбрать самых отчаявшихся.

– То, что нужно было испытывать и проверять, мы превратили в вопрос веры. Долбанные Веселые Перри, молящиеся о дожде... Не удивительно, что китайцы нас обставили.

Он снова помолчал, затем сказал:

– Надоело притворяться, что у нас есть выход. Надоело судиться с жалкими вшами, которые высасывают наши водоносные слои, надоело защищать идиотов.

– Есть идея получше?

Глаза Джейми сверкнули.

– Разумеется.

Люси рассмеялась.

– Ни фиги. Ты увяз так же, как и все мы.

– Зонщик до самой смерти? Ты это хочешь сказать?

– Если я зонщица, то ты уж точно.

Джейми оглянулся, наклонился к ней.

– Думаешь, я останусь здесь? – тихо спросил он. – Буду и дальше работать на «Финикс уотер» или «Солт-Ривер проджект», надеяться, что они обо мне позаботятся?

– А что, тебя кто-то нанимает? Ты получил предложение от УВРЮН или Сан-Диего?

Джейми разочарованно посмотрел на нее.

– Работа? По-твоему, мне просто нужна новая работа? Что я возьму деньги у Калифорнийского департамента природных ресурсов? Думаешь, я хочу работать в очередном юридическом отделе управления по водопользованию? Я не собираюсь перекладывать бумажки до конца своих дней.

– Особого выбора у тебя нет. Здесь мало кто раздает билеты на самолет, улетающий из Аризоны.

– Знаешь, Люси, иногда мне кажется, что ты умнейший человек на свете... а потом ты как ляпнешь, и я понимаю, насколько ты тупая. Ты мелко мыслишь.

– Я когда-нибудь говорила, что у тебя удивительные навыки работы с людьми?

– Нет.

– Отлично. Значит, не пришлось тебе врать.

Джейми это не остановило. Он улыбнулся – словно пророк, которому прекрасно известно, как устроены небеса. Так же улыбались в своих палатках проповедники Веселых Перри, когда Люси спрашивала их, почему они думают, что Бог пошлет им дождь, если климатологи обещают засуху.

«Дождь придет, – отвечали они уверенно. – Дождь придет».

Они знали, как устроена Вселенная. Они раскрыли все тайны Бога. И вот теперь Джейми вел себя так же.

– Что у тебя за проект? – настороженно спросила Люси.

– Допустим, я скажу тебе, что нашел способ нарушить «Договор о реке Колорадо».

– Тогда я отвечу, что ты заврался.

– Сколько ты готова заплатить за победу? – настаивал Джейми.

Люси замерла, не донеся бокал с пивом к губам.

– Ты серьезно?

– Абсолютно. Что, если я дам тебе преимущественное право, которое можно предъявить даже в Верховном суде? Право, которое точно будут защищать федералы? Никаких «он сказал, она сказала», никаких «Вегас закачал или не закачал столько-то воды», никаких «фермер отвел или не отвел столько-то акро-футов на свое поле». Ничего такого. Я дам такие права на водопользование, что на каждой, мать ее, плотине на реке Колорадо будут стоять морпехи и следить, чтобы вся вода текла прямо к тебе. Такие права, что ты сможешь поступать так же, как Калифорния поступает с городами. – Он внимательно следил за ней. – Ну, сколько ты готова заплатить?

– Я скажу, что ты под кайфом, и не заплачу ни одного юаня. Извини, Джейми, я тебя знаю. Ты – человек, который переспал со мной только для того, чтобы проверить, приятно ли делать это с женщинами.

Джейми ухмыльнулся, не выражая никакого сожаления.

– А если я сказал правду?

– Насчет того, что ты натурал, или насчет прав на воду?

– Это был просто эксперимент.

– Какой же ты говнюк.

Но Джейми не отставал.

– Ты никогда не задумывалась, почему Лас-Вегас – город, который миллион лет назад должен был засохнуть и развеяться по ветру, – живет припеваючи, а мы носимся, словно курица с отрубленной головой?

– Они более дисциплинированные.

– Да, черт побери! Эти суки разбираются в азартных играх, верно? Они смотрят в свои карты – на свои вонючие триста тысяч акро-футов воды из реки Колорадо – и понимают, что они в жопе. Они не обманывают себя, как мы. Не пытаются блефовать, делать вид, что у них хорошая рука.

– Но как это связано с правами?

– Мы все играем в одну и ту же игру. – Джейми начал есть оливки, насаженные на зубочистку. – Я целыми днями работаю с бумагами – слежу за игрой, разбираюсь в основополагающих правах, обращаюсь в суд с ходатайствами. И все мы – Калифорния, Вайоминг, Невада, Колорадо – занимаемся одним и тем же, пытаемся урвать побольше – но так, чтобы федералы не заметили и не ввели военное положение. И если в твоей команде такой человек, как Кэтрин Кейс, у тебя все нормально. – Он пылливо взглянул на Люси. – Но что, если все играют в неправильную игру?

– Я не понимаю, – раздраженно ответила Люси.

– У меня джокер. – Джейми откинулся на спинку стула и улыбнулся, словно довольный кот.

– Знаешь, ты сейчас похож на человека, который пытается продать недвижимость в Новом Орлеане.

– Возможно. А может, это ты слишком долго просидела в пыли и поэтому не видишь всей картинки.

– А ты видишь.

На его лице снова появилась мерзкая улыбочка.

– Теперь – да.

...А сейчас Джейми лежал в пыли – мертвый, и кто-то вырвал ему глаза. Люси снова попыталась подойти к нему, но копы не были настроены подпускать посторонних. И она стала осознавать ситуацию. С некоторым запозданием вернулся рассудок.

Труп Джейми не имел значения, в отличие от живых – копов, водителей, медленно объезжающих сигнальные огни, врачей «скорой» в респираторах, ждущих сигнала, когда

можно будет увезти мертвецов. В отличие от людей в баре «Хилтона-6», которые следили за происходящим из окна.

Среди них, возможно, находится человек, который смотрит не на кровищу, а на нее.

Люси попятилась. Может, ее вычислили, и бежать уже поздно?

Она покинула место преступления, представляя себе, как город наконец утащит и проглотит ее – как проглотил Джейми.

Кто это сделал, Джейми?

А затем более важный вопрос:

Что ты им рассказал обо мне?

Глава 3

На поверхности водяного насоса «Красный Крест/Китай – Дружба» виднелась неровная полоса с рваными краями: кто-то провел по углепластику острым инструментом, как когда-то ее папа распахивал плугом землю Сан-Антонио. Только сейчас это было сделано с яростью.

Мария не знала, кто напал на насос и чего этим собирались добиться. Мать-перемать, насос ведь *бронированный*. Она видела, как от его бетонного каркаса отскакивает бульдозер.

Через поцарапанный пластик ярко проступала цена:

\$6,95/литр – Y4/ гун цзинь.

«Гун цзинь» по-китайски – литр. Y – «юань». Каждый, кто жил рядом с аркологией Тайян, знал и это число, и эту валюту, потому что всем сотрудникам платили в юанях, да и сам насос тоже построили китайцы. Ведь мы же друзья, верно?

Мария учила китайский. Могла досчитать до тысячи и писать иероглифы. *И, ар, сан, сы, у, лю, чи, ба*⁴... Тоны она запоминала тоже. Она училась так быстро, как только могла, с помощью одноразовых планшетов, которые китайцы раздавали всем, кто попросит.

Цена за литр воды сияла в горячей тьме, голубая, размытая от ударов, в которые люди вкладывали весь свой гнев, – но все равно достаточно различимая.

\$6,95/литр.

Каждый раз, когда Мария видела порез на поверхности насоса, она думала о том, что знает человека, который это сделал. *Dios mio*⁵, ведь этот человек – она. Каждый раз, глядя на холодные голубые цифры, она приходила в ярость. Просто у нее никогда не было такого инструмента, который мог бы повредить насос. Требовалось что-то особенное. Не отвертка. Пожалуй, один из тех резачков из Июкогамы, которые использовались при строительстве Тайяна, когда там еще работал ее отец.

– Они превращают двутавровые балки в воду, *mija*⁶, – говорил он. – В это невозможно поверить, даже когда стоишь совсем рядом. Волшебство, *mija*. Волшебство.

Отец показывал ей особые перчатки, благодаря которым он не отрезал себе пальцы. Блестящая ткань давала полторы секунды, прежде чем рука исчезнет в клубе дыма.

Волшебство, говорил он. Или большая наука. Какая разница? Китайцы знали, как работать над крупными проектами. Строить эти *cabrones*⁷ умели. У китайцев были деньги на то, чтобы превратить волшебство в реальность, – и учили обращаться со своей техникой каждого, кто готов горбатиться по схеме «полдня работаешь, полдня отдыхаешь».

Каждое утро, когда солнце начинало выжигать небо до синевы, отец возвращался и рассказывал Марии о чудесах, которые видел ночью, пока работал на высоких голых балках аркологии. Говорил о том, как огромные строительные принтеры разливают материалы, как визжат пресс-формы, как краны возносят собранные конструкции наверх.

Строительство по принципу «точно в срок».

Стены и окна покрывали силиконовым фотоэлектрическим покрытием. Наносишь его, как краску, и пожалуйста – у тебя в сети ток. В Тайяне не бывает веерных отключений, как в остальном Финиксе. Эти люди сами себя обеспечивали электричеством.

И рабочих обедами кормили.

⁴ И, ар, сан, сы, у, лю, чи, ба (кит.) – один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь.

⁵ Dios mio (исп.) – Боже мой.

⁶ Mija (исп.) – дочка.

⁷ Cabrones (исп., груб.) – козлы.

– Я работаю в небе, – говорил отец. – Теперь все будет хорошо, *mija*. Мы выкарабкаемся. Ты будешь учить китайский, а потом мы отсюда уедем – и не обязательно на север. Можем и за океан махнуть. Они много строят, китайцы. После этого проекта сможем поехать куда захотим.

Это была их мечта. Папа учился резать все на свете и скоро смог бы разрезать барьеры, которые удерживали их в Финиксе, как в ловушке. Они бы добрались до самого Вегаса, Калифорнии или Канады. Черт побери, да он бы смог прорезать им путь через океан до Чунцина или Куньмина! Он бы *строил*. Новые навыки помогли бы ему разрезать все – и барьеры, и калифорнийских гвардиков, и тупые законы о границах штатов, по которым ты должен был сидеть в зоне для беженцев и голодать, а не уехать туда, где вода все еще текла с неба.

– Резаки из Йокогамы режут все, – говорил отец и щелкал пальцами. – Как масло.

Возможно, по насосу «Красного креста» провели именно таким резак. Но даже если такой резак и мог проложить тебе дорогу в Китай, добыть с его помощью стакан воды в Финиксе шансов не было.

Какая цена заставила человека напасть на насос?

Десять долларов за литр?

Двадцать?

Может, и всего лишь 6,95, как сейчас, – но для этих людей она была тем же, что и первый удар дубинкой по зубам от полицейского, тем, с чем нельзя смириться. Может, эти люди из стародавних времен не знали, что теперь вода будет стоить \$6,95 – отныне и навсегда. Может, они не знали, что за такую цену нужно благодарить судьбу, а не резать насос?

– Зачем мы сюда пришли? – в пятый или шестой раз спросила Сара.

– У меня предчувствие, – ответила Мария.

Сара с отвращением хмыкнула.

– Ну да. А я устала.

Она закашлялась, закрывая рот руками. Из-за бури ночью ей стало хуже: пыль набилась в легкие. Сара снова кашляла кровью, но об этом они с Марией говорили все реже.

– Если что-то произойдет, я хочу это увидеть, – вполголоса произнесла Мария, не отрывая взгляда от цены.

– Как в тот раз, когда тебе приснилось пламя и человек, который вышел из него невредимым? Прошел, как Иисус по воде, только по огню? Ты говорила, что это тоже произойдет.

Мария не поддавалась на провокацию. Она видела сны, вот и все. Ее мать называла их «благословения». Шепот Бога. Шелест крыльев святых и ангелов. Некоторые из этих снов были страшными, другие непонятными, а смысл третьих прояснялся только позднее – например, сон о том, что ее отец летает. Ей казалось, что это хороший сон о том, что они выберутся из Финикса, и только потом узнала, что это был кошмар.

– Хочешь увидеть... – раздраженно буркнула Сара.

Она тщетно пыталась найти участок бетона, который не пропитался дневным теплом, наконец сдалась и села на фургоне, отпихнув собранные Марией пластиковые бутылки.

– Значит, ты хочешь тусоваться с техасцами, и из-за этого я должна пропустить дневной сон.

– Ты сама из Техаса, – сказала Мария.

– Говори за себя, девочка. Эти *shagua*⁸ *pendejos* даже в ванне мыться не умеют. – Сара сплюнула на мостовую что-то черное.

– Ты тоже не умела мыться с помощью губки и ведра, пока я тебе не показала.

⁸ Shagua – ## (кит.) – дурак, болван.

– Ну да, но я-то научилась, а они грязные, – возразила Сара. – Сраные тexasцы, которые ни хрена не знают. А я тебе не Веселая Перри.

В некотором роде это была правда. Сара избавлялась от тexasской манеры растягивать гласные, выскребала из речи тexasские словечки, а с кожи – тexasскую грязь, терла с такой силой, какую могла выдержать ее белая кожа. Марии не хватало духу сказать ей, что люди все равно за миллион чувствуют в ней уроженку Техаса.

Хотя, конечно, тexasцы у насоса воняли. От них пахло страхом и старым, засохшим потом. От них пахло пластиком и мочой. Их запахи перемешивались, потому что они лежали как сardины в банке в фанерных гетто, которые они строили впритык к каждому насосу «Красного креста».

Кварталы вокруг насоса «Дружба» были оазисом жизни в разоренных засухой пустошах, в которые превратились пригороды Финикса. Здесь, среди торговых центров и особняков для среднего класса, беженцы палатками перегораживали улицы и парковки. Здесь они воздвигали деревянные кресты и молились о спасении. Здесь они писали числа и имена, ставили фотографии родных, потерянных на кровавых дорогах Техаса. Здесь они читали листовки, которые раздавали мальчишки – подручные профессиональных «койотов»:

ПЕРЕХОД С ГАРАНТИЕЙ!

ТРИ ПОПЫТКИ попасть в КАЛИФОРНИЮ,

Или мы ВЕРНЕМ ВАМ ДЕНЬГИ!

ОДИН ПЛАТЕЖ, ВСЕ ВКЛЮЧЕНО:

Грузовик до границы. Плот и спасательные пояса. Автобус или грузовик до Сан-Диего или Лос-Анджелеса.

ПИТАНИЕ ВКЛЮЧЕНО!

Здесь, рядом с насосом, была жизнь. Костры, в которые бросали доски, выломанные из брошенных особняков. Палатки Красного Креста, перекосившиеся от песка, который принесла недавняя буря. Врачи и добровольцы в респираторах, защищающих от пыли и грибка – возбудителя кокцидиомикоза, занимались беженцами, лежащими на раскладушках, ставили капельницы исхудавшим младенцам с потрескавшимися губами.

– Так в чем дело, сестренка? – вновь спросила Сара. – Почему я здесь, когда должна быть с клиентом? Мне нужно зарабатывать, нужно за квартиру платить...

– Тс-с, – Мария жестом призвала подругу к молчанию. – Это рыночная цена.

– А что с ней? Она же никогда не меняется.

– По-моему, иногда меняется.

– Никогда такого не видела.

Снова зашуршала мини-юбка: Сара искала удобное место. В тусклом голубом сиянии, исходившем от цены на насосе, Мария видела силуэт подруги: блестящий стеклянный кристалл в пупке, короткий топ, обтягивающий грудь, плоский живот. Все признаки юного тела. Каждый элемент костюма старался обратить на нее внимание Финикса.

«Мы все стараемся, – подумала Мария. – Все мы пытаемся выжить».

Сара шевельнулась, расталкивая бутылки с этикетками «ПьюрЛайф», «Софтуотер», «Агва асуль» и «Эрроухед». Одна из бутылок с грохотом упала на мостовую. Сара нагнулась, чтобы ее поднять.

– Знаешь, в Вегасе воду дают бесплатно, – сказала она.

– *Фанти*. – Это китайское слово Мария подцепила у прорабов, которые работали на стройке вместе с ее отцом.

Чушь.

– Сама ты фанти, *loca*⁹. Это правда. Тебе разрешают брать воду прямо из фонтанов, которые стоят перед казино. Вот сколько у них воды.

Мария пыталась не спускать глаз с насоса и цены на нем.

– Так они делают только Четвертого июля. Типа, проявляют патриотизм.

– Не-а. В «Белладжио» – каждый день. Любой может подойти и получить стакан воды. – Сара постучала по краю фургона пустой бутылкой «Аква фины». – Вот увидишь. Когда я приеду в Вегас, ты все увидишь.

– Потому что твой мужик возьмет тебя с собой, – сказала Мария, даже не пытаясь скрыть сарказм.

– Вот именно, – парировала Сара. – Он бы и тебя взял, если бы ты с ним тусовалась. Нас обоих бы взял – он любит зажигать. Просто будь с ним дружелюбной. – Помедлив, она продолжила: – Знаешь, ты тоже можешь быть его подружкой. Я не жадная.

– Да, я знаю.

– Он хороший, – настаивала Сара. – И извращения разные не любит, не то что калифы из баров. У него отличная квартира в Тайяне. Ты не поверишь, как красиво Финикс выглядит сверху, при нормальных воздушных фильтрах. У пятаков жизнь клевая.

– Он сейчас только пятак.

Сара решительно замотала головой.

– Это навсегда, сестренка. Даже если компания и не отправит его в Вегас, пятизначный номер – это навсегда.

Она стала в розовых красках описывать стиль жизни своего пятака и то, что будет делать, когда выберется из Финикса. Но Мария ее уже не слушала.

Она знала, почему Саре казалось, что в Вегасе бесплатная вода. Она тоже ее видела – в программе «Голливудская жизнь», посвященной Тау Оксу. Мария смотрела ее у входа в один из баров, где Сара пыталась разводить мужиков на выпивку.

Звезда «Неустранимого» на крутой «Тесле» остановилась перед одной из аркологий Вегаса. Камера следила за Тау Оксом, но Мария забыла о знаменитости, когда заметила фонтан.

Здоровенный фонтан, разбрызгивающий воду прямо в воздух. Танцующие струи воды. Вода в лучах солнца – словно бриллиант. Дети плескались в ней, просто тратили зря.

Совсем как в аркологии Тайян, только без охранников, которые не пускают тебя внутрь. Но *на улице*. Они позволяли воде испаряться. Упускали ее.

Когда Мария увидела эти фонтаны под открытым небом, она наконец поняла, почему отец пытался перевезти их в Вегас. Почему он был так уверен в том, что им нужен именно этот город. Увы, его план не сработал. Они опоздали выбраться из Техаса, а потом Закон о независимости и суверенитете возвел перед ними непреодолимые барьеры. Каждый штат понял, что у него будут проблемы, если он не остановит поток людей.

– Это временно, *mija*, – сказал папа. – Это не навсегда.

Но к тому времени Мария уже не верила папе. Она поняла, что он старик. *Viejo*¹⁰, да? Он жил, руководствуясь старой картой мира, которого уже не существовало.

По опыту Мария знала, что мир совсем не такой, каким его представлял себе папа. Он все повторял, что это Америка, что Америка – это свобода, возможность делать то, что хочешь. Однако гибнущая страна, по которой они ехали, где техасцев для устрашения вешали на пограничных заграждениях Нью-Мексико, совсем не походила на его образ Америки.

⁹ *Loca* (исп.) – сумасшедшая.

¹⁰ *Viejo* (исп.) – старый

У него были старые глаза. *Ojos viejos*¹¹. Ее отец не видел того, что происходит прямо у него под носом. Он говорил, что люди вернутся в свои дома, – но этого не произошло. Он говорил, что ты сможешь остаться в родном городе, – но этого не произошло. Он говорил, что ты снова увидишь своих школьных друзей, – но этого не произошло. Он сказал, что мама придет на твою *quinceañera*¹², – но этого не произошло. Все вышло совсем не так, как он говорил.

В какой-то момент Мария поняла, что слова отца – это пыль. Она даже поправляла его не каждый раз, чувствуя, что ему стыдно за то, что он все время ошибается.

– Сколько еще ждать? – нетерпеливо спросила Сара.

– Ты сама должна знать, сколько, – подначила ее Мария. – Ведь мне об этом рассказал твой пятак.

Но Сару заботило только то, чтобы пятак обнимал только ее и тусовался только с ней. Мария же слушала, о чем он говорит.

– Это рыночная цена, – сказал пятак. – Если бы не она, Финикс не разрешил бы Красному Кресту устанавливать насосы, и тогда техасцы глотали бы пыль на шоссе I-10 и умирали бы в Чендлере.

При этом он поливал острым соусом *cochinita pibil*¹³, утверждая, что это не мексиканское, а юкатанское блюдо. Это, похоже, оправдывало в его глазах тот факт, что он в ресторане платит за него больше, чем Мария и Сара – за неделю аренды.

– Рыночная цена держит все под контролем.

Он переключился на тему о насосах Красного Креста, потому что разговор шел о Веселых Перри и религиозных безделушках, которыми они торгуют в своих палатках. И тогда Мария сказала, что Веселые Перри всегда ставят палатки рядом с насосами гуманитарных организаций – чтобы люди, которые пришли за водой, слушали их проповеди.

Сара злобно посмотрела на Марию – ведь та напомнила ему о том, что они живут рядом с насосами. Однако, как только речь зашла о воде, пятак оживился.

– Насосы и цены – наверное, единственное разумное решение, которое Финикс принял насчет воды. Слишком поздно – но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. – Он подмигнул Марии. – И к тому же это помогает Веселым Перри вербовать сторонников.

Он ее хотел. Она понимала это, видя, что он с надеждой разглядывает ее тело, а на Сару практически не обращает внимания. Но он был вежлив и, по крайней мере, пытался произвести на нее впечатление своими познаниями в гидрологии – постоянно прощупывая, можно ли Марию купить.

– Просто посиди с нами, – сказала Сара. – Что бы он ни сказал, улыбайся. Пусть почувствует себя большим человеком. Он, типа, увлекается водой, обожает говорить про буровые установки, грунтовые воды и прочую фигню. Просто слушай его и делай вид, что тебе интересно.

К своему удивлению, Мария обнаружила, что ей действительно интересно. И чем больше говорил пятак, тем яснее ей становилось, что такие, как он, видят мир совсем в другом свете.

Для отца Марии мир был как в тумане, а этот гидролог видел его четко.

Майкл Ратан – старший гидролог компании «Ибис лтд.» – жил на одном из верхних этажей аркологии Тайян и понимал, что происходит. Он говорил на языке акро-футов воды, весенних стоков и глубины снежного покрова. Он рассказывал про реки и грунтовые воды.

¹¹ Ojos viejos (исп.) – старые глаза

¹² Quinceañera (исп.) – бал для девочки в честь ее 15-летия

¹³ Cochinita pibil – блюдо юкатанской кухни, запеченный молочный поросенок в соусе из цитрусовых с печеными лепешками, красным луком, печеной фасолью и перцем хабаньеро.

Он видел мир ясно и принимал его таким, какой он есть, и поэтому ничто не могло заставить его врасплах.

Он рассказывал о том, что глубоко под землей находятся сотни миллионов галлонов воды. Древней воды, которая просочилась в почву, когда таяли ледники. Размахивая руками, он описывал этот мир, обрисовывая геологические пласты, формации песчаника, тестовые скважины «Халлибертона», водоносные слои.

Водоносные слои.

Огромные подземные озера. Конечно, их уже выбрали почти досуха, но давным-давно в них было огромное количество воды.

– Сейчас уже не то, что в старые времена, – сказал гидролог, – но если пробурить достаточно глубоко и правильно взорвать пласт, можно кое-что раскрыть. Пойдет вода. – Он пожал плечами. – Почти всегда можно найти водоносный слой, откуда добыть воду. Но здесь более сложный случай. Тут в основном пустые слои, такие, как «Агва фриа», которые Аризона заполняет водой ЦАПа.

– Водой ЦАПа?

– Центрально-Аризонский проект. – Он ухмыльнулся ее невежеству. – Ты серьезно?

Сара пнула Марию ногой, но Ратан отодвинул бокалы с вином и выложил на стол свой планшет.

– Вот, смотри.

Он открыл карту Аризоны, увеличил участок, где находился Финикс, указал на тонкую синюю линию, которая огибала северный край города. Затем проследил ее на запад, через пустыню.

В отличие от гор и холмов в окрестностях Финикса, синяя линия была прямой, словно ее провели по линейке. Несколько раз она изгибалась, но в целом шла так, словно кто-то рассек землю лезвием.

Когда он увеличил изображение, Мария увидела бледно-желтую пустыню, черные каменистые холмы и несколько одиноких сагуаро – и внезапно они оказались над изумрудной рекой, которая текла по бетонному каналу.

Ратан прокрутил карту дальше на запад, следуя за прямой, искусственной рекой, пока она не дошла до широкого голубого водоема, сверкающего в солнечном свете.

«Озеро Хавасу» – гласила надпись на карте.

Его подпитывала извилистая голубая линия: река Колорадо.

– ЦАП – это капельница Аризоны, – объяснил Ратан. – Воду выкачивают из реки Колорадо и транспортируют на триста миль по пустыне. Почти все остальные источники воды, на которые полагался Финикс, выбраны. Резервуар Рузвельта практически пуст. Реки Верде и Солт на несколько месяцев пересыхают. Местные водоносные слои выкачаны. Однако Финикс еще жив – благодаря ЦАПу.

Он изменил масштаб карты, снова показав протяженность канала – тонкой линии, пересекавшей пустыню.

– Видишь, какая крошечная эта линия? Как далеко ей нужно бежать? И вдобавок она выходит из реки, которой хочет воспользоваться множество людей. Калифорния тоже берет воду из озера Хавасу. А Кэтрин Кейс из Невады вообще не хочет, чтобы туда качали воду, потому что эта вода нужна ей в озере Мид.

Кроме того, вверх по реке – в Колорадо и Вайоминге – живут фанатики, которые не желают отдавать воду «штатам нижнего бассейна». Они утверждают, что это их вода, их горы, их ледники. – Ратан снова постучал по тонкой голубой линии. – Слишком много людей на такое количество воды, линия очень уязвима. Ее однажды уже пытались взорвать – и чуть не уничтожили Финикс.

Он откинулся на спинку стула и ухмыльнулся.

– Вот почему они нанимают таких, как я. Финиксу нужны запасные варианты. Если кто-то снова придет по их душу... Пф-ф! – Он пренебрежительно махнул рукой. – Городу конец. А если я найду приличный водоносный слой? Тогда у Финикса все в шоколаде. Город даже сможет расти.

– А ты найдешь? – спросила Мария.

Ратан рассмеялся.

– Скорее всего, нет. Но если у людей сильная жажда, они хватаются за любой мираж. Поэтому я беру свои карты, выезжаю в поле с бригадами бурильщиков и притворяюсь, будто у меня много дел. Я указываю людям, где пробить дыру в пустыне, а Финикс все надеется, что мы найдем огромный водоносный пласт, и тогда можно будет не волноваться насчет реки Колорадо, не оглядываться на Вегас и Калифорнию. Если я найду новый волшебный источник воды, город будет спасен. Наверное, это возможно. Чудеса случаются. Веселые Перри точно в это верят. Иисус ходил по воде, значит, и водоносные слои может создавать.

Он снова рассмеялся, но с тех пор Мария видела водоносные слои во сне.

В ее снах они были похожи на огромные подземные озера – более прохладные и манящие, чем подвалы домов, – пещеры, заполненные водой. Иногда ей снилось, что она переплывает эти огромные водные соборы на лодке. Над головой нависали сталактиты, фосфоресцирующие, словно краска для тела, которой мазалась Сара, когда искала клиентов в танцевальных клубах Золотой мили. Свод пещеры светился. Лодка плыла по темным зеркальным водам. Мария слушала звуки капающей воды, опускала пальцы в прохладную жидкость...

Иногда ей снилось, что с ней ее семья, а иногда даже то, что на веслах – отец, что он везет их всех в Китай.

А теперь Мария сидит во тьме рядом с насосом «Красный крест/Китай – Дружба» и старается увидеть мир так же четко, как гидролог. И если Сара не поймет, тогда Мария ей все объяснит.

– Это рыночная цена, сестренка. Цена на насосе связана с количеством воды под землей. Когда водоносный слой наполнен, цена снижается, потому что люди не боятся, что вода закончится. Если уровень падает, тогда цена растет, чтобы люди притормозили и не забирали так много воды. А иногда большие вертикальные фермы, построенные китайцами, выключают насосы, чтобы там все подсохло перед сбором урожая.

Все они делают это одновременно и тем самым вводят в заблуждение приборы. Заставляют их думать, что воды хватит на всех, и поэтому цена иногда...

Голубое число на насосе мигнуло, уменьшилось до \$6,66. Вернулось к \$6,95.

Мигнуло снова. \$6,20. Затем снова поднялось до \$6,95.

– Видишь? – спросила Мария.

Сара ахнула.

– Ого.

– Сторожи тележку.

Мария сделала несколько шагов по направлению к насосу. Она была рада, что никто еще не заметил, что происходит. Ей не хотелось, чтобы кто-то увидел, что она собирается сделать.

Цена упала до шести долларов, затем поднялась на десять центов, когда включились чьи-то автоматизированные насосы. Но каждый раз цена опускалась все ниже, прежде чем вернуться обратно.

Мария достала из лифчика комок влажных от пота купюр.

Цифры на насосе мигали, цена менялась.

\$6,95... \$6,90... \$6,50.

Она падала – Мария была в этом уверена. Фермеры по-прежнему отводили воду на поля, покупая ее со скидкой, но, как и сказал гидролог, большие вертикальные фермы внезапно остановили насосы, готовясь к урожаю. Это происходило всего несколько раз в году.

И вот она – стоит рядом с насосом, следит за цифрами.

\$5,95. \$6,05.

Цена действительно падала.

Мария выжидала. Сердце ее билось все быстрее. Вокруг собралась небольшая толпа. \$6,15. Люди забегали, наконец сообразив, что происходит. Слухи дошли до палаток Веселых Перри, где горели свечи у алтарей Санта-Муэрте; люди вышли, чтобы посмотреть на чудо, но Мария уже была именно там, где нужно, с бутылками наготове. Она все правильно рассчитала. Рыночная цена опускалась, словно ангел с небес, чтобы поцеловать ее черные волосы и шепнуть слова ободрения.

Свободное падение.

\$5,85.

\$4,70.

\$3,60.

Такой низкой цены она еще не видела. Мария начала запихивать банкноты в щель, фиксируя цену, которая все продолжала падать. Плевать. Еще пара секунд, и начальники наверху очнутся. Автоматизированные системы заметят падение и станут качать. Мария продолжала заталкивать банкноты. Это почти то же самое, что покупать фьючерсы.

У нее закончилась наличка, а цена все падала.

– У тебя деньги есть? – крикнула она Саре. И пусть ее слышат. Она просто хотела извлечь больше прибыли из подвернувшейся возможности.

– Ты серьезно?

– Я верну!

Люди подходили поглазеть на цену и убегали, чтобы сообщить остальным о чудесном обвале цены. У других кранов тоже собралась толпа.

– Скорее! – почти в отчаянии крикнула Мария. Это был огромный куш. И она идеально подгадала момент, чтобы его сорвать.

– А если цена не вырастет?

– Вырастет, вырастет!

Сара нехотя протянула ей двадцатку.

– Это плата за жилье.

– Нужны мелкие! Система не позволяет покупать помногу!

Сара вытащила из лифчика деньги, заработанные долбежкой.

Гидролог сказал, что в старые добрые времена можно было засунуть в машину стодолларовую купюру и спокойно унести все эти галлоны. Но потом какой-то бюрократ с нато-ченным карандашом сообразил, что происходит, и теперь тебе разрешалось покупать воду только порциями по пять долларов. 2,44. Мария никогда не видела такой низкой цены. Она запихивала деньги так быстро, как только могла.

Автомат заело. Она попыталась затолкнуть еще несколько купюр, но машина их выплевывала. Вокруг люди загружали деньги в другие краны, а ее автомат сломался. Выругавшись, Мария ударила ладонью по насосу. Она купила воды на пятьдесят долларов, а если считать и деньги Сары – то больше чем на восемьдесят. И что теперь? Остальные краны были заняты.

Мария сдалась и стала наполнять бутылки. Цена уже росла. Системы жизнеобеспечения в домах богатых людей заметили падение цены и начали закачивать воду в цистерны. А может, в игру вступила аркология Тайян, решив, что при таких ценах стоит создать запас. Цифры мигали: \$2,90... \$3,10... \$4,50... \$4,45...

\$5,50.

\$6,50.

\$7,05.

\$7,10.

Порядок был восстановлен.

Мария дотащила бутылки с плескающейся внутри них водой до красной тележки. Пятьдесят долларов только что превратились в воду стоимостью 120 долларов, и как только она вывезет ее из оазиса...

– Сколько мы срубили?

Мария чувствовала себя так хорошо, что даже боялась назвать сумму. Если отвезти воду в центр, к стройплощадке Тайяна... Там люди мечтают о стакане холодной воды. И у них есть деньги. Она знала это место еще с тех пор, как там работал отец; там постоянно у кого-то заканчивается смена. Рабочим запрещалось брать воду на заводе, так что, если им хотелось пить, они могли либо отстоять очередь у насоса «Дружба», либо взять ее у Марии прямо на месте.

– Двести, – ответила Мария. – Когда вывезем отсюда всю эту воду, она будет стоить не менее двух сотен.

– А моя доля?

– Девяносто.

На обратном пути Сара болтала без умолку, потрясенная тем, что получит столько, сколько за три дня работы, просто за то, что прогулялась ночью с Марией.

– Ты прямо как мой пятак, – сказала она. – Сечешь фишку с водой.

– Я не такой игрок, как он.

Но в душе Мария была в восторге от комплимента.

Пятак Сары видел мир ясно.

Теперь его так же ясно видела и Мария.

Глава 4

Вереница черных «эскейдов» Кэтрин Кейс хрустела по кускам гипсокартона и по битому стеклу, оставляя за собой белые следы. Стальные радиаторы – словно ухмылка. Черные матовые монстры, просевшие под весом брони, зеркальных пуленепробиваемых стекол и высокоэкономичных аккумуляторов. Никаких символов, идентифицирующих Управление водных ресурсов Южной Невады, черные и анонимные. Поверхность с фотоэлементами едва поблескивает даже в ослепляющем пламени полуденного солнца Лас-Вегаса.

Из машин выбрались охранники УВРЮНа, рассыпались, нырнули в пыльные брошенные дома, выискивая направления для стрельбы. Наемники – люди из «Свисс экзек» с автоматами М-16, в бронежилетах и с компьютерами в военных визорах.

Анхель, сидя в машине, наклонил зеркальце, глядя, как команды бойцов бегают по переулку, обходя разрушенные дома. Несколько парней он знал: Чисолма, Собела, Ортиса... Побочный продукт неудачных патриотических войн. Отбросы вооруженных сил. Их лишили пособия или обещанной пенсии, но на новой работе они чувствовали себя прекрасно.

Собел вылез на плоскую крышу, высматривая снайперов. Анхель вспомнил, как встретил его в стрип-клубе, в одном из подвальных этажей казино Кипариса-1. Тот заливал в себя пиво, пока над ним извивалась девушка.

– Зарплата в пять раз больше, чем в армии! – завопил Собел, перекрикивая громыхающий бас. – И в поле выезжать не нужно! И нет беспилотников, которые пытаются снять тебя с высоты. Говорю тебе, Веласкес, это золотая жила. В частном секторе можно сколотить состояние!

– Работа легкая? – спросил Анхель.

– Ни хрена. В последний раз такая жесть была... как в Мехико, когда президент Сапенса попытался нагреть Синалоа и Картельные Штаты одновременно и стать независимым.

– И чем все закончилось?

Собел закатил глаза и усадил девушку себе на колени.

– Ну, лично я выжил.

Анхель терпеливо ждал. Группы УВРЮНа работали. «Теслу» заполнил холодный воздух – кондиционер подпитывали фотоэлементы на поверхности машины. Мимо тонированных стекол «Теслы» проскользнула еще одна команда – Ортис и какая-то незнакомая женщина. Они осторожно добрались до стены разрушенного трехквартирного дома, ступая по слоям выброшенных пластиковых пакетов. Стены кондоминиумов были испещрены выпцвешими на солнце ругательствами и изображениями Кэтрин Кейс, с указаниями, куда она может идти, если захочет выгнать отсюда людей.

Самый умный нарисовал гроб и подписал: «кейс для Кейс».

Остальные были совсем не такие интересные.

ПЕЙ... ОЧУ ТЫ... УКА... НАЯ

Ругательства и угрозы перемежались отверстиями с рваными краями в обивке – там, где мародеры выдирали охладители, провода и медные трубы. Типовое предместье превратилось в типовую помойку.

Анхель не переставал удивляться тому, как похожи друг на друга города, у которых отключили воду. Не важно, находились ли они в верховьях реки Колорадо или ниже по течению. Это мог быть Лас-Вегас или Финикс, Тусон или Гранд-Джанкшн, Моаб или Дельта. Заканчивалось все одинаково: слепые светофоры, улицы, покрытые перекасти-полем, разбитые витрины торговых центров, в которых гулко отдается эхо; занесенные песком поля для гольфа, с торчащими из земли стволами засохших деревьев.

В данный момент Карвер-Сити шел по тому же пути – еще одна жертва острого взгляда Кэтрин Кейс и еще более острых ножей для воды. За спиной у Анхеля на фоне дымчато-голубого грязного неба выделялись хаотичные кривые Кипариса-3 – будущее, надменно возвышающееся над развалинами старого Лас-Вегаса.

Солнечные батареи аркологии дрожали, следя за движением солнца. Закрывая стены, они контролировали температуру, поглощая тепло и свет.

За Кипарисом-3 виднелись его братья, аркологии № 1 и № 2, а к западу, вокруг скважины Кипариса-4, росли решетчатые башни строительных кранов, увешанные яркими красно-золотыми знаменами.

Даже с расстояния двух миль можно было увидеть огромные иероглифы: #####. Юань Да Цзи Туан. «Большая группа» – крутая строительная фирма из Чанша – работала на всех проектах мужа Кейс и его риелторской корпорации.

Китайцы умеют добиваться результатов, сказала Кейс. Знают, как создать совместное предприятие, которое всем приносит прибыль. Теперь, когда уже построены три наглядных примера – аркологии по ее проектам, – продавать квартиры в новых было легко. Подписка на Кипарис-4 уже закончилась, в проекте был Кипарис-5.

Анхель еще помнил, с каким усердием менеджер по продажам расхваливала ему недвижимость, пока они шли по центральному атриуму Кипариса-1. Их окружали водопады и заросли ползучих растений, однако она все равно без устали тыкала в планшет, показывала схемы, объясняла, какие надежные здесь системы рециркуляции, заверяла, что аркология может продержаться целых три месяца, не взяв ни капли воды из реки Колорадо. Рассказывала Анхелю о том, что он помогал создавать.

Люди называли Кэтрин Кейс убийцей, потому что ее ножи для воды наносили глубокие раны тем, кто жил на берегах Колорадо, – но когда Анхель вдохнул в Кипарисе ароматы эвкалипта и жимолости, то понял, что ее противники ошибаются.

Снаружи были только пустыня и смерть, а внутри, среди тропической зелени и прудов с карпами, царила жизнь, и Кэтрин Кейс была святой, технологии и предвидение которой обещали пастве спасение.

Ортис снова прошел мимо «Теслы», заглянул внутрь, убеждаясь, что в машине только Анхель. Еще двое людей «Свисс экзек» стали охранять въезд в переулок.

Наконец в переулок вкатился «Эскелейд» Кейс, и из него вышла сама Королева Колорадо. Худая блондинка в облегающей юбке. Туфли на высоких каблуках цокали по битому стеклу. Узкая талия. Короткий синий пиджак поверх блестящей золотой блузки. Немного макияжа, благодаря которому ее глаза выглядели больше и темнее. В палящих лучах солнца женщина казалась слишком маленькой и хрупкой, совсем не похожей на лидера организации, которая обращает в прах целые города.

Анхель не забыл, как он, в бронежилете, заслонял ее, когда она объявила о своем намерении перерезать глотку именно этому пригороду. Одна из ее первых побед. Он еще помнил ропот толпы, то, как вспыхивал его военный визор, когда он смотрел на активистов, радуугу угроз разной степени важности, данные о распознавании объектов... Возникший на экране силуэт пистолета сообщил ему о том, что пришло время остановить своим телом пулю ради Королевы...

Ну и работенка, мать его.

Ну и предложение.

– Остаться хочешь? – спросила она его на первой встрече.

Это было еще до подготовки. До того как у Анхеля появилось удостоверение личности и прописка в Кипарисе. До гвардигов. Тогда он едва мог считаться человеком. Он помнил жару и страх оказаться в клетке, аммиачный запах пластиковых пакетов «Клирсэк», которые использовали слишком много раз. Тридцать человек, набившиеся в тюремную камеру.

Карманники, шлюхи, бандиты и мошенники, которым не хватило ума делать деньги так, как этого хотелось Вегасу. Таких Вегас запирали в огромных грузовиках и отправлял на юг. Тот, кому удавалось дотянуть до границы, выживал. Остальные поджаривались.

Уличные банды называли эти машины «мусоровозами».

Не облажайся, кореш, а то в мусоровоз посадят.

Тогда на Кэтрин Кейс тоже были дорогие туфли – изящные, с ремешками, на высоком каблуке. Они стучали по бетонному полу тюрьмы, покрытому трещинами, и этот звук резко контрастировал с более тяжелыми ударами ботинок сопровождавшего ее гвардейца. Туфли Анхель запомнил потому, что они внесли разнообразие в его жизнь в клетке и заставили выглянуть из-за решетки. Он помнил, как пялился на эту странную, похожую на куклу женщину – думал, что если дотянуться до ее шеи, то все это золото и бриллианты сделают его богачом. Он помнил, как глядели на него ее голубые глаза – внимательно и замороженно, словно она наблюдала за животным в зоопарке. Он помнил, как она была сосредоточена, словно охотилась за чем-то; он помнил, как ему хотелось броситься на нее и проучить.

А потом она сильно его удивила. Просунула руку через решетку, чтобы погладить его по потному лбу. Просто взяла и засунула руку, не слушая предупреждающего шипения охранников.

– Остаться хочешь? – спросила она спокойно.

Анхель кивнул, чувствуя, что ему выпал шанс.

Телохранители вытащили его из клетки и отвели в душную комнату без окон.

– Говорят, у тебя были пулевые ранения, – сказала она, когда наконец уселась напротив.

Анхель посмотрел на нее с презрением – настоящий мачо – и задрал майку, показывая шрамы.

– Было несколько.

– Хорошо. Я хочу дать тебе работу, на которой тебе придется принимать на себя пули.

– С какой стати?

– Потому что я много плачу. – Она еле заметно улыбнулась. – И дам тебе нормальный бронезилет. Если повезет, можешь даже выжить.

– Смерти я не боюсь.

Анхель улыбнулся, вспоминая свои слова. Он не боялся ни смерти в мусоровозке, ни Кэтрин Кейс. Он так долго смотрел смерти в лицо, что она его уже не пугала. Эта дама – куколка, ничто. У него на спине вытатуирована Санта-Муэрте. Он поручил свою судьбу заботам Костлявой Госпожи. Смерть теперь стала его лучшей подругой.

– Почему я? – спросил он.

– Ты соответствуешь нужному профилю. Ты агрессивный, но умеешь себя контролировать. Ты умный. Ты приспосабливаешься к меняющимся обстоятельствам. Ты упорный. – Кейс снова посмотрела на него. – И к тому же ты призрак. За тобой не тянется бумажный след. – Она пожала плечами. – Может, в Мексике что-то есть, но здесь ты – призрак. Призраки мне нужны.

– Что вам нужно от призрака?

Она снова улыбнулась.

– Глотки резать умеешь?

Кроме него были и другие рекруты, но постепенно большинство из них испарилось. Некоторые исчезли почти сразу, не прошли лагеря гвардиков и курс подготовки полицейских. Кто-то сбежал. Некоторые не соответствовали все усложняющимся требованиям Кейс. Когда она только наняла его, Анхель полагал, что ей нужен стрелок. Однако она обучила его всему – от чтения контрактов до установки взрывчатки. Многие рекруты слились. Он процветал.

И в награду Королева Колорадо сделала его своим рыцарем. Дала ему разрешение жить в Кипарисе-1. Снабдила водительскими правами, счетами в банках, нагрудными знаками и комплектами формы, сначала – «Верблюжьих войск», а затем и другими, и не всеми из них она была вправе распоряжаться. Патруль штата Колорадо. Центральное бюро расследований Аризоны. Национальная гвардия Юты. Бюро мелиорации. Департамент полиции Финикса. Бюро землепользования. ФБР. Удостоверения, машины и формы появлялись и исчезали в зависимости от того, где Королеве понадобился нож для воды. Анхель менял роли словно хамелеон, чтобы соответствовать очередной задаче, избавлялся от старых обликов с такой же легкостью, с какой змея меняет кожу.

Кем бы он ни был в той камере, тот человек давно исчез.

Ортис с почтением распахнул дверцу «Теслы». Кейс села на пассажирское сиденье, кивнула Ортису. Дверца захлопнулась, блокируя свет и тепло. Анхеля и Кейс окружил кокон прохладного воздуха, созданный кондиционером.

– Что, паранойя? – спросил Анхель, нарушив внезапно наступившую тишину.

Кейс пожала плечами.

– Число угроз снова увеличилось, – ответила она. – Мы на последнем этапе строительства восточного трубопровода.

– Я думал, проект заглох.

– Рейесу наконец-то удалось выкурить фермеров, которые обстреливали наши экскаваторы. Теперь беспилотники патрулируют весь маршрут, все 250 миль, и если кто-то хотя бы приблизится к трубопроводу, мы забросаем его ракетами. В зоне бассейнов и хребтов скоро станет чертовски сухо.

Только когда Кейс улыбалась, Анхель замечал на ее лице признаки старения. Он не знал, по каким голливудским методикам ее лечили, но они ей точно помогали. Еле заметные морщинки в углах глаз – и все. Кейс всегда была собранной. Одежда, макияж, информация, планы – все тщательно проанализировано и подобрано. Она находила последовательности, подгоняла их друг к другу и обращала себе на пользу.

– Значит, теперь они решили добраться до вас, – сказал Анхель.

– Отдел оценки угроз следит за полудюжиной групп. Ортис говорит, что пара из них действительно опасна. – Кейс махнула головой в сторону граффити на стене кондоминиумов. – Я даже скучаю по старым временам, когда они просто писали статьи в газетах и фотосопили мое лицо на порнухе.

– И все-таки – ничего себе охрана из-за горстки злых фермеров.

– Ортис не устает мне напоминать, что достаточно одной пули. – Она посмотрела на выжженные руины, которые создала одним росчерком пера. – И поскольку сбивать беспилотники они не в силах, им кажется, что легче снять меня.

– Их ждет неприятный сюрприз.

Кейс рассмеялась.

– Если бы они не пытались вышибить мне мозги, я бы их пожалела, честно. Они – возбужденные люди, которых переполняет... – она помолчала, подыскивая слова, – *вера*. Их вера. И им кажется, что раз у них есть вера, то одно их желание сделает мир таким, каким они хотят его видеть. Если подумать, то они просто мальчики и девочки с винтовками, играющие в борцов за свободу. Невинные такие детишки.

– Детишки с пушками.

– Насколько я могу судить, дети с пушками обычно убивают сами себя. – Она сменила тему. – Расскажи про Карвер-Сити.

– Плевое дело. – Анхель пожал плечами. – Ю пытался вернуться в здание и покончить с собой, но я его вытащил.

– Ты теряешь хватку.

– Вы постоянно жалуетесь на иски о смертях в результате противоправных действий.
– Нужно выйти на контакт с Ю. Мне всегда нравилась его преданность делу. Выясни, не хочет ли он работать на другом берегу реки.

– Когда я выбрасывал его из вертолета, то сказал, что скоро ему может поступить предложение.

– Не следовало его отпускать. Он теперь в каждом выпуске новостей рассказывает про ножей для воды из Вегаса.

– Seriously? Этот сраный городишко попал в новости?

– Журналисты обожают истории про черные вертолеты.

– Хотите, чтобы я на них надавил? Похоронил эту историю?

– Нет. – Кейс покачала головой. – У журналистов память короткая, как у блох. Уже завтра они будут делать репортажи о суперторнадо в Чикаго или о разрушенном волноломе в Майами. Мы ляжем на дно, и все всё забудут. Даже если через пару лет Карвер-Сити выиграет коллективный иск, он как город уже перестанет существовать. А это главное. Карвер-Сити сосет песок, а его вода у нас.

– Так почему у вас несчастный вид? Карвер-Сити конец, а мы идем дальше – резать что-нибудь другое, так?

– У Карвер-Сити были инвесторы, которых Брекстон не выявил в ходе проверки. Город арендовал права на водопользование у одного проекта по экологическому развитию. Экологически чистая аркология Космический корабль Земля. Вертикальные фермы, интегрированное жилье, восемьдесят пять процентов воды проходит повторную переработку – своего рода дешевая версия Кипарисов. Оказалось, что в проект вложились многие люди.

– Люди?..

– Влиятельные люди. Сенатор с восточного побережья. Пара конгрессменов.

То, как она это сказала, заставило Анхеля удивленно оглянуться.

– Конгрессменов? Вы хотите сказать – конгрессменов от *Невады*? Наши люди?

– Монтойя, Клейг, Туан, Ласалль...

Анхель не мог удержаться от смеха.

– О чем они вообще думали?

– Очевидно, полагали, что знают наши планы относительно Карвер-Сити.

– Будь я проклят. – Анхель покачал головой. – Теперь понятно, почему Ю так удивился. Он считал, что у него мощная «крыша». Все повторял, что я разозлю влиятельных людей.

– В наши дни все стараются минимизировать риски, – сказала Кейс. – Когда водоочистной комплекс Карвер-Сити вышел из строя, мне позвонил губернатор.

– Он тоже был в доле?

– О нет. Но он пытался выудить из меня информацию, узнать, планируем ли мы другие нападения.

– Во что он вложился?

– Откуда я знаю, черт побери! Он слишком умен, чтобы проболтаться в телефонном разговоре, который могут записать.

– Но он все еще на вашей стороне, да?

– Ну, если в Вегасе начнется засуха, он не получит голоса избирателей. А пока я даю ему воду, Управление водопользования Южной Невады получает карт-бланш. Мы можем собирать налоги, строить...

– Резать.

– ...и планировать экономическое будущее Невады. – Кейс выдохнула. – И все же я раз за разом натыкаюсь на какого-нибудь... *придурка*... который хочет подстраховаться. – Она взглянула на Анхеля. – Ты знаешь, что букмекеры принимают ставки на то, какой город лишится прав в следующий раз?

– И какие шансы?

Она оскалилась.

– Стараюсь не подглядывать. У меня и так хватает исков о конфликте интересов, связанных с Кипарисами.

– Это да, но я-то мог бы заработать реальные деньги.

– Насколько я помню, твою работу нельзя назвать низкооплачиваемой. – Кейс прищурилась, разглядывая мертвый пригород. – Раньше мне казалось, что я могу, по крайней мере, доверять своим людям. А теперь я либо жду, что меня подстрелит какая-то деревенщина, либо разбираюсь с мелкими клерками, которые сливают нашу стратегию действий на водных аукционах в обмен на вид на жительство в Лос-Анджелесе. Никому уже нельзя верить.

– А этих конгрессменов прозевал Брекстон, да?

– И что?

– Обычно он такие вещи не пропускает. – Анхель пожал плечами. – Раньше не пропускал, по крайней мере.

Кейс резко взглянула на него.

– Просто хочу сказать, что раньше он не прокалывался.

– О боже. – Кейс закатила глаза. – И после этого ты говоришь, что паранойя у меня.

– Вы же сами сказали: достаточно одной пули.

– Брекстон нас не нагрел. – Она угрожающе взглянула на Анхеля. – И я не хочу, чтобы мой главный нож для воды воевал с главой моего юридического отдела.

– Нет проблем. – Ухмыляясь, Анхель поднял руки вверх. – Пусть он ко мне не лезет, и я его не трону.

– Ох, – она раздраженно застонала, – когда-то это была простая работа.

– Только не в мое время.

– Даже незадолго до твоего появления. Раньше, если ты заключал договор об обмене водой с Сан-Диего и строил водоопреснительную установку в каком-нибудь совместном проекте, тебя называли гением. А теперь? – Она покачала головой. – Эллис говорит, что Калифорния отправляет гвардиков вверх по реке в Вайоминг и Колорадо. Он видел их вертолеты в верховьях Грин-Ривер и Ямпы.

Анхель удивленно посмотрел на нее.

– Не знал, что Эл работает так высоко по течению.

– Мы пытаемся выяснить, кому там принадлежат преимущественные права. На тот случай, если придется их выкупать. – Кейс скорчила гримасу. – Калифорнийцы уже там, начали добывать права в Верхнем бассейне раньше нас. Мы думали, что изменение условий трансфера воды в Договоре будет нам на пользу, а теперь эта история меня пугает. Мы играем в догонялки. Кто знает, может, Калифорния уже купила Колорадо или Вайоминг целиком. Они поместят нижнее течение Колорадо в соломинку, заберут себе испарения, а затем купят верховья.

– Правила меняются, – сказал Анхель.

Кейс выдохнула.

– Возможно, никаких правил не было. Может, у нас есть только привычки – то, что мы делаем, даже не задумываясь, зачем. – Она рассмеялась. – Ты знал, что моя дочь до сих пор произносит клятву верности? У меня три разных ополчения охотятся на зонцев и техасцев, которые переходят границу, а Джесси по-прежнему прижимает руку к груди и произносит текст клятвы. Поди разберись. У каждого штата уже есть свои пограничники, а мой ребенок до сих пор считает себя американцем.

Анхель пожал плечами.

– Я никогда особо не понимал патриотизм.

– Это точно, – рассмеялась Кейс. – Но кое-кто из нас раньше в него верил. А теперь мы размахиваем американским флагом только для того, чтобы федералы не прессовали нас за создание ополчений.

– Страны... – Анхель умолк, вспоминая свое детство в Мексике, еще до Картельных Штатов. – Страны приходят и уходят.

– А мы и не замечаем. – Кейс вздохнула. – По некой теории, у нас обязательно должно быть слово для объекта, иначе мы не заметим его, даже если он у нас перед носом. Если мы не можем точно описать реальность, мы ее не видим. А не наоборот. И когда кто-то говорит «Мексика» или «Соединенные Штаты», эти слова мешают нам даже заметить то, что перед нами. Нас ослепляют наши собственные слова.

– А вот вы заметили, что надвигается, – произнес Анхель.

– Ну, у меня такое чувство, что я лечу вслепую. – Она стала разгибать пальцы. – Снежный покров в Скалистых горах фактически нулевой. Этого никто не предусмотрел. Раз. Вся эта пыль ускоряет таяние снега, так что даже в хороший год он тает слишком быстро или даже испаряется. Этого никто не предусмотрел. Два. Гидроэлектростанции. – Кейс рассмеялась. – От них польза только весной, потому что не удастся создать запас в резервуарах. Три. А теперь еще и Калифорния выдвигает заявки на реку.

Она смотрела на раскрытую ладонь так, словно пыталась предсказать будущее.

– Эллиса я отправила на Ганнисон; пытается что-нибудь купить, но я боюсь, что там мы тоже опоздали. Такое ощущение, что удача от нас отвернулась. Кто-то все время нас опекает. Кто-то видит картину яснее, чем мы. У кого-то есть слова, которые лучше описывают ситуацию.

– Вы точно не хотите, чтобы я занялся Брекстоном?

– Забудь про него. Им занимаются другие люди.

Анхель рассмеялся.

– Я знал! Вы его тоже не любите.

– Дело не в любви, а в доверии. И ты прав – раньше он не лгал. – Она выдохнула. – Но я хочу поручить тебе другое задание. В Финиксе.

– Перерезать ЦАП? На этот раз результат будет окончательным.

– Нет. – Кейс яростно замотала головой. – Больше нам такое с рук не сойдет. Для этого нужна реальная юридическая поддержка. Теперь за ЦАПом следят беспилотники федералов, – а нам сейчас совсем не нужно, чтобы армия встала на сторону Аризоны. Нет, я хочу, чтобы в Финиксе ты кое-что разнюхал. Там что-то случилось, и я не могу докопаться до сути происходящего.

– Разнюхать что?

– Если бы я знала, не было бы смысла тебя отправлять. Я не могу сложить из фрагментов всю картинку. И из Калифорнии тоже доносятся странные слухи. Они там чем-то недовольны.

– От кого слухи?

Она удивленно выгнула бровь.

– Давай не будем раскрывать все секреты, ладно? Просто разведай, что сумеешь. Мне нужна там еще одна пара глаз. Независимая пара глаз.

– Кто управляет Финиксом?

– Гусман.

– Хулио?

– Да.

– Он крутой.

– Ну, сейчас он наложил в штаны и просит, чтобы его эвакуировали. Все твердит, что потерял людей. Испуганно квохчет, словно курица.

– Раньше он был крутым.

– Наверное, я слишком долго его там продержала. Финикс должен был быстро сдохнуть, поэтому я его туда и пустила. Но город цепляется за жизнь зубами и когтями. Знаешь, они там даже аркологию строят. Даже частично построили.

– Слишком поздно.

– Китайские деньги за солнечную энергию и наркодоллары. Такая комбинация может делать все, что угодно.

– Вода действительно течет к деньгам.

– Ну, Картельные Штаты и китайские энергопроизводители...

– Это тонны денег.

– Еще немного, и Финикс снова вступит в игру. Пару недель назад Хулио говорил, что у него намечается что-то крупное – и вдруг все рухнуло. Он запаниковал, стал умолять, чтобы его вывезли на другой берег реки. Разберись, почему Хулио теперь своей тени боится. Сейчас я мало кому могу доверять, и... – Она помолчала. – Там что-то не то. Докладывать будешь лично мне. Каналами УВРЮН не пользуйся.

– Не хотите, чтобы губернатор заглядывал через плечо?

На лице Кейс проявилось отвращение.

– Знаешь, было время, когда мы могли доверять нашим людям.

Они пару минут поболтали о пустяках, но Анхель чувствовал, что Кейс уже занята следующей проблемой. Ему выдано задание, он вставлен в мозаику мира, и теперь ее не знающий покоя ум перешел к другой информации и другим заботам. Еще через минуту она пожелала ему удачи и вылезла из «Теслы».

Бронированные внедорожники ее эскорта захрустели по разбитому стеклу, и Анхель остался один – смотреть на руины, которые Кейс создала одним росчерком пера.

Глава 5

За домом, словно хищник, рычал на холостых оборотах какой-то пикап. Он стоял там уже минут десять и уезжать, похоже, не собирался.

– Ты меня вообще слушаешь? – спросила Анна. Сестра Люси смотрела на нее с компьютерного экрана. За ее спиной холодный серый ванкуверский свет лился из огромных окон. – Если хочешь, уезжай.

Двигатель пикапа взревел, потом вновь басовито заурчал.

Люси подавила желание выйти и разобраться с этими уродами.

– ...все повторяешь, что это ужасно, – говорила Анна. – Ты ничего и никому не должна доказывать. Ты оставалась там дольше всех журналистов, которых отправили туда на задание. Ты их всех победила.

– Все не так просто.

– Да нет же, для тебя – просто. У тебя удостоверение гражданина Новой Англии. Ты, наверное, одна из последних, кто может просто взять и уйти. А ты почему-то все еще там. Папа говорит, ты напрашиваешься на неприятности.

– Ничего подобного.

– Тем не менее ты боишься.

– Нет, не боюсь.

– Тогда почему звонишь?

Тут Анна ее подловила. Обычно звонила она, а не Люси. Именно Анна поддерживала контакты. Анна до сих пор сохранила манеры уроженки Восточного побережья и до сих пор каждый год посылала рождественские открытки – настоящие открытки из настоящей бумаги, которые вырезали настоящими ножницами ее милые настоящие дети. К узорчатым изображениям снежинок и елок прилагались перевязанные красными ленточками коробки с подарками – микрофильтрами REI для противогаза. На Анну всегда можно было рассчитывать. Она звонила, поддерживала связь, заботилась.

– Люси?

Люси вдруг поняла, что на окнах в доме Анны нет ни одной решетки. К стеклам лепились бусины дождевых капель, а за окном раскинулся изумрудный сад.

– Просто сейчас... сложная ситуация, – наконец ответила Люси.

В ее системе координат это означало «кто-то вырвал глаза моему другу и бросил его посередине Золотой мили». Однако расшифровать эти слова Анна не могла, – и возможно, так было лучше для них обеих.

Снаружи снова взревел двигатель.

– Что это за звук? – спросила Анна.

– Пикап.

– Их еще кто-то производит?

Люси заставила себя рассмеяться.

– Это часть культуры.

За пределами экрана хихикали Стейси и Энт – они играли с «лего», программировали какое-то свое творение, чтобы оно гонялось по дому за котом. Люси подавила в себе почти непреодолимое желание коснуться рукой экрана.

– Я не собираюсь переезжать, – сказала она. – Хотела тебя увидеть, вот и все.

– Мама, смотри! – завизжала Стейси. – Ворчун Пит его ест!

Снова раздался смех.

Анна развернулась и приказала детям вести себя тише, но было видно, что она не сердится.

На несколько секунд смех сменился шепотом. На экране мелькнул кот – он ехал на вездеходе, который собрали Стейси и Энт. На голове у Стейси был шлем игрока в американский футбол, а на Энте – маска мексиканского рестлера, которую Люси подарила ему в свой прошлый приезд. Это было что-то сверхъестественное: две реальности, разделенные тонким компьютерным экраном. Казалось, будь у нее молоток, Люси могла бы разрушить расстояние, разделяющее их, и попасть в то зеленое, безопасное место.

Анна снова посерьезнела.

– А что там вообще происходит?

– Я... – Люси замаялась. – Я просто по тебе соскучилась.

Мне нравится быть там, где дети не знают, что такое страх.

Увидев Стейси и Энта живыми и здоровыми, она вспомнила первый труп, про который она писала. Симпатичная обнаженная латиноамериканка, немногим старше Стейси, словно сломанная кукла, лежала на дне бассейна. Люси еще не забыла, как Рэй Торрес, стоявший рядом, сказал, затягиваясь сигаретой:

– Про трупы не пиши.

Торрес был старомодным копом в старомодной ковбойской шляпе и узких потертых «ливайсах». Пояс с массивной пряжкой, начищенные до блеска серые ковбойские сапоги. Его глаза весело сверкнули за зеркальными полицейскими очками; встроенный в них компьютер уже пытался опознать погибшую, сравнивая фотографии в базе данных.

– Для падальщиков в этом городе дерьма хватает, – сказал он.

Там же, на покрытом песком дне бассейна, труп осматривали медики и копы.

Заметив, что Люси его слова проигнорировала, Торрес сделал еще один заход.

– Это не та тема, о которой стоит писать хорошенькой девушке из Коннектикута.

– Не надо меня учить, – отрезала Люси.

По крайней мере, именно так она видела эту ситуацию. Она – сильная, уверенная в себе, дала отпор снисходительному копу. Она точно помнила, что в ответ Торрес прикоснулся рукой к своей шляпе и побрел к другим полицейским, стоявшим у машины «скорой помощи».

Ту девушку выбросили, словно мусор. Ей было лет пятнадцать, не больше, а теперь ее труп лежал на дне грязной дыры. Дикие собаки уже потерзали тело, вырвали кишки, оставив кровавые следы вокруг, прежде чем сбежали при появлении криминалистов. Ссадины на ее коленях были покрыты черной кровью и серой пылью. Молодая девушка с короткими черными волосами и крошечными серебряными сережками-сердечками.

Торрес и его друзья курили, перешучивались и время от времени поглядывали на Люси. Между собой они говорили по-испански, а в то время она хреново его знала. Люси заставила себя встать на край бассейна и долго – дольше, чем ей хотелось – смотрела на переломанные руки и ноги девушки. Она чувствовала на себе взгляды мужчин и пыталась доказать, что они ее не пугают.

Торрес подошел к ней, снова прикоснулся к шляпе.

– Я серьезно: не пиши про трупы. От них одни неприятности.

– А как же она? – спросила Люси. – Она не заслужила того, чтобы ее запомнили?

– Она? Ей теперь все равно. Черт побери, да она, наверное, даже рада, что убралась из этого адского места.

– И следствия не будет?

Ковбой рассмеялся.

– Что тут расследовать? Смерть еще одного техасца? – Он покачал головой. – Тут весь город можно в подозреваемые записывать. Да кому вообще нужны эти техасцы?

– Вы отвратительны.

– Эй. – Он схватил ее за руку. – Я не шучу насчет трупов. Если хочешь делать карьеру в кровавых таблоидах, тебе будет на что поглядеть. Но есть мертвяки... – он мотнул головой в сторону девушки на дне пустого бассейна, – о которых лучше забыть.

– А что в ней такого особенного?

– Познакомлю-ка я тебя с редактором «Рио де сангре». Можешь писать про трупы для них. Если захочешь, даже устрой тебе эксклюзивную экскурсию на полицейской машине. После этой девочки у меня еще два парнишки, которых завалили из проезжающей машины в Марикопе. И пять «пловцов», которыми я займусь, как только вернется напарник.

– Пловцов?

Торрес сердито рассмеялся.

– Какая же ты еще зеленая! – Он пошел прочь, качая головой. – Зеленая и мягкосердечная.

Тогда Люси еще не знала, как легко написать что-то не то. Как это просто – навалиться на руль своей машины с пулей в голове.

Тогда она была зеленая, как сейчас – Анна.

– Можешь пожить с нами, – предложила Анна. – Арвинд обо всем договорится, устроит тебя в программу иностранцев-профессионалов. Сначала устроишься в университет. С твоим послужным списком тебе сразу дадут визу. Стейси и Энт будут в восторге.

– У вас там плесень. – Люси постаралась рассмеяться. – Даже трупы плесневеют. Ученые доказали, что это очень вредно для здоровья.

– Я серьезно. Мы с детьми по тебе скучаем. Тебе там одиноко. А здесь есть хорошие мужчины.

– Хорошие канадцы.

– Арвинд – хороший канадец.

Было видно, что Анна хочет прочитать сестре целую лекцию, отчаянно хочет столько сказать... Но молчит.

Ты сошла с ума.

Ты поступаешь глупо.

Нормальные люди так не делают.

И все это не было высказано, потому что – зачем спорить?

Как ни тянуло Люси попасть в зазеркалье, в мир сестры, нельзя заражать мир Анны тем, что сейчас сидело внутри нее. Она хотела... нет, она нуждалась в том, чтобы их разделяло это стекло, защищавшее Анну, Арвинда и детей. Оно означало, что где-то существует нормальный мир.

Наконец Анна вымученно улыбнулась.

– Только не прекращай со мной общаться только потому, что я тебя достаю. Ты же знаешь, что я люблю тебя.

– Бьет – значит любит?

– Точно. – Анна отвернулась от камеры. – Стейси! Энт! Поговорите с тетей Люси. Вы всю неделю твердили, что хотите с ней пообщаться, так давайте!

Дети появились на экране. Они были очаровательны. Если дети вообще стоят того, чтобы их рожать, подумала Люси, то Стейси и Энт – настоящее сокровище. Мимо, улыбнувшись ей, прошел Арвинд. Его темная кожа резко контрастировала с бледной кожей Анны. Он повел детей мыть руки и обедать.

Сестра коснулась рукой экрана.

– Извини, – сказала она. – Я просто беспокоюсь.

– Знаю, – ответила Люси. – Я тоже тебя люблю.

Они попрощались и закончили разговор. Люси уставилась на потемневший экран, думая обо всех предупреждениях и советах, которыми люди не делятся потому, что боятся разрушить отношения, – даже если видят, что надвигается катастрофа.

Я просто беспокоюсь.

– Я тоже беспокоюсь, – прошептала Люси.

На улице снова заревел двигатель. Люси, раздраженная, встала и схватила пистолет.

– Ну ладно, урод. Посмотрим, кто ты такой.

Санни привлекла внезапная активность Люси, и он с надеждой замахал хвостом.

– Сидеть! – приказала Люси. Она отодвинула задвижку, загнала патрон в ствол, глубоко вздохнула и рывком раскрыла дверь.

Двор был залит солнечным светом. Сразу за сеточным ограждением поджидал урчащий пикап вишневого цвета, с массивными шинами и тонированными стеклами.

Водителя Люси не видела, но знала, что он смотрит на нее. Пистолет она держала у бедра. А не целятся ли уже в нее из кабины? Может, ей уже нужно стрелять?..

– Что надо? – крикнула она, подходя ближе. – Что надо, сука?!

Водитель нажал на газ. Из-под колес полетел гравий, машина сорвалась с места и помчалась по переулку. За ней кружились клубы пули и «Клирсэки».

Люси уставилась вслед уезжающему пикапу, чувствуя, как в груди колотится сердце. Жаль, что не запомнила номер машины.

Может, я схожу с ума?

Либо кто-то ее отслеживает, либо она только что едва не застрелила какого-то невинного парнишку в приступе паранойи.

Залаял Санни, злясь, что его оставили одного. Люси открыла дверь. Пес радостно бросился наружу, вывалив розовый язык, подбежал к машине и сел у дверцы.

– Ох. И ты туда же.

Санни с надеждой задышал. Люси сунула пистолет за пояс джинсов.

– Кататься мы не поедem, – сказала она псу.

Санни посмотрел на нее с отвращением.

– В чем дело? Можешь идти домой, можешь остаться на улице. Я буду подметать. Кататься не поедem.

Санни заполз под пикап. Люси достала щетку. Санни смотрел на нее с упреком.

– Вы с Анной два сапога пара, – пробурчала она и начала очищать каменные плиты на своем дворе. Уничтожала бледные дюны, привольно раскинувшиеся рядом с домом. В воздух поднялись тучи песка. Люси расчихалась, закашлялась. Еще немного, и она услышала бы, как ее отчитывает Анна – совсем не бережет свои легкие!

Поначалу Люси выполняла все правила, словно религиозные обеты – постоянно надевала маску, меняла фильтры, защищала легкие от дыма лесных пожаров, пыли и долинной лихорадки. Потом стало все тяжелее беспокоиться о том, что по воздуху летают невидимые грибки *Coccidioides*. Она здесь живет, сухой кашель – просто часть ее жизни.

Она помнила, как сверкала ее маска «REI», когда она, недавняя выпускница школы журналистики, прибыла в Финикс, готовая раскапывать свою первую сенсацию.

О боже, какой она тогда была зеленой!

Убрав во дворе, Люси прислонила к стене дома лестницу и забралась на плоскую крышу.

Перед ней раскинулся Финикс: пробки, пригороды, покрытые пылью многоэтажки и брошенные частные дома на пустынной равнине. Меса, Темпе, Чендлер, Гилберт, Скотсдейл – останки метрополиса, который, словно море, затопил равнину, наполнил ее домами и прямыми как стрела бульварами, пока его волны не стали биться о поросшие сагуаро горы.

Солнце, горячее и беспощадное, жгло, пробивалось сквозь завесу крошечных частиц почвы, поднятых в воздух транспортом. Даже в такой ясный день, как сегодня, небо казалось голубым только прямо над головой.

Возможно, что когда она смотрела на небо и называла его синим, серым или коричневым, на самом деле оно было совсем другого цвета. Пыль вечно создавала дымку в воздухе, а если бы она вдруг исчезла, остался бы серый дым лесных пожаров в Калифорнии.

Возможно, она уже забыла голубой цвет и он теперь существовал только в ее воображении. Возможно, она так долго прожила в Финиксе, что придумала названия для кучи вещей, которых уже нет.

Голубой. Серый. Ясный. Облачный. Жизнь. Смерть. Безопасность.

Она могла сказать, что небо голубое, и, возможно, оно и было голубым. Она могла сказать, что она в безопасности, – и, возможно, ей удалось бы выжить. Однако на самом деле ни того, ни другого уже не существовало. Голубой цвет превратился в мираж – такой же, как Рэй Торрес и его снисходительная улыбка. В Финиксе ничто не существует долго.

Люси принялась за работу, сметая пыль с коллекторов, обнажая черные силиконовые поверхности «Джи-И» и «Хайера». Она плевала на стекло, оттирала ямки и царапины до чистоты, дольше, чем нужно – потому что отчищать от грязи дом легче, чем думать о том, что она видела прошлой ночью – и о том, что это для нее означало.

«Почему ты звонишь?» – спросила Анна.

Потому что моему другу вырвали глаза и мне страшно, что следующая в очереди – я.

Она не могла не думать о Джейми. Человек, разобранный на части, на земле рядом с «Хилтоном-6». В ее фотоаппарате остались снимки. Она даже не соображала, что делает, когда фотографировала на месте преступления. Это был просто рефлекс.

Неожиданный финал истории, которую Джейми пытался сочинить про себя.

Она вспомнила, как он сидел в «Хилтоне-6» – одетый с иголки и самоуверенный.

– Люси, у меня будет бассейн и толпа мальчиков от стены до стены. Вот получу калифорнийскую визу и уеду отсюда навсегда.

Он уже распланировал всю свою жизнь.

Слишком смывленный, чтобы застрять на одном месте. Слишком умный, чтобы остаться в живых. Она помнила, каким он был в тот вечер, когда заключалась сделка: дергался, разглаживал пальто, поправлял галстук. Трезвый как стеклышко, он дрожал от волнения. Она вспомнила, как сидела в его аккуратно прибранной квартире, чтобы запечатлеть момент.

– Мне нужно пойти с тобой, – сказала она.

– Нет. Люси, ты мне нравишься, но свой эксклюзив ты получишь после того, как я заберу деньги.

– Боишься, что я тебя ограблю? – упрекнула она.

– Ты? Нет. – Он покачал головой. – Все остальные люди во вселенной – да, но ты – нет.

Она помнила, что он снова и снова завязывал галстук. Обычно он проделывал это не задумываясь, но теперь пальцы у него так дрожали, что Люси пришлось ему помочь.

– Слава богу, в мире есть криптовалюта, – сказал он. – Раньше такую сделку мне бы повернуть не удалось. Сразу же поднялась бы тревога. Когда все закончится, я, пожалуй, принесу жертву святому покровителю «Биткойна» и «Криптолда».

– Нужно было брать обычными деньгами, – сказала Люси.

Джейми рассмеялся.

– Ты хоть понимаешь, какие масштабы у этой сделки? По-твоему, после нее я выйду из гостиничного номера с парой чемоданов, набитых стодолларовыми купюрами? Девочка... – он покачал головой, – ты мелко мыслишь.

– Крупная сделка?

Джейми ухмыльнулся.

– Сколько ты бы заплатила, чтобы спасти город? Или целый штат? Сколько ты отдала бы за то, чтобы сельское хозяйство долины Империял не превратилось в пылевой котел?

– Миллионы? – предположила Люси.

Джейми снова рассмеялся.

– Вот поэтому, Люси, я уверен, что ты никогда меня не предашь. Ты мелко мыслишь.

Ее размышления прервал рокот двигателя. Тот же пикап, что и раньше; хищный, ничем не заглушенный рык. Она вытащила пистолет.

Во дворе залаял Санни, бегая взад-вперед вдоль ограждения. Пикап проехал по переулку и остановился – сияющий красный монстр, разглядывающий Санни, дом и ее саму.

Акула, кружащая рядом с добычей.

Люси присела на корточки и прицелилась. Санни лаял, не переставая; вот-вот перепрыгнет через ограду и бросится на пикап.

Машина медленно проехала мимо.

Люси выпрямилась, глядя, как пикап исчезает в лагере сквоттеров в дальнем конце квартала.

Возможно, стоило все-таки выстрелить.

Шум двигателя стих. Санни перестал лаять и с довольным видом вернулся в тень рядом с крыльцом. Люси ждала, прислушивалась, но пикап не вернулся. Однако урок был ясен. Она не могла и дальше пребывать в параличе. Либо она сама станет принимать решения, либо это сделают за нее.

Люси слезла с крыши и отряхнулась, провела пальцами по волосам и смахнула с себя шерсть Санни. Затем впустила его в дом и разделась в прихожей, чтобы не занести песок и пыль.

Санни, на что-то рассчитывая, следил за тем, как она переодевается в домашнюю одежду и садится за компьютер.

Поначалу она нажимала на клавиши неуверенно. Слова – зародыши. набросок. Затем пошел каскад слов; она уже печатала быстрее, пальцы отбивали ритм, найдя форму, которую примет история. Все слова, все обвинения выливались из нее на страницу, описывая водоворот, который поглощал их всех.

Она писала про трупы. Про Рэя Торреса и «пловчиху», о которой он много лет назад предупреждал Люси. Она написала про то, как он уткнулся, застреленный, в руль своей машины. Человек, который слишком много знал про слишком многих и про то, где захоронены тела. Она писала о Джейми, о никому не нужном трупе, в который он превратился. Она писала о нем как о человеке – страстном, безумном, не идеальном, сексуально озабоченном, сердитом и гениальном. Она писала о нем как о человеке, который переживет свои мечты и устремления, о том, кто не сгинет в неизвестности, даже если убийцы изуродуют ему лицо.

Закончив, Люси выложила текст вместе с одной фотографией – занесенным песком холмиком. Надгробием ее друга. Меткой. Шансом для Джейми стать чем-то большим, чем просто еще один обломок рушащегося Финикса.

Она встала, потянулась и взяла пиво из крошечного холодильника. Вышла на крыльцо, позвав с собой Санни, и с удивлением обнаружила, что солнце уже садится. Люси отсалютовала банкой пива кроваво-красному огненному шару и выпила за Джейми.

Про трупы не пиши. Это опасно.

– Может, я никогда не хотела безопасности.

Безопасность ей не нужна. Ей нужна правда. На этот раз ей нужна правда.

Ничто не длится вечно, так зачем сопротивляться неизбежной смерти? Финикс погибнет – как уже погибли Новый Орлеан и Майами, Сан-Антонио и Остин. Как ушло под воду побережье Нью-Джерси.

Все рушилось. Поселки взрывались, тонули или гибли в огне. Равновесие в мире менялось. Целые города теряли равновесие и шлепались на задницу, словно кто-то выдернул из-под них фундамент.

Может, так будет и дальше.

Может, это никогда не кончится.

Так зачем бежать? Если весь мир горит, то почему бы не встретить судьбу с пивом в руке – и без страха?

Хотя бы раз без страха.

Люси переключилась на текилу. Она пила в темноте, радуясь ночи и стоградусной прохладе¹⁴.

Она останется здесь, уютно расположится в дыму, пыли, жаре и смерти.

Она – часть Финикса, как Джейми и Торрес.

Это ее дом.

Она не сбежит.

¹⁴ 100 градусов по шкале Фаренгейта – 37,78 градуса по Цельсию.

Глава 6

Утро для Марии – это опухшие глаза, дымный воздух и резкий, сухой кашель Сары.

Лучи пустынного солнца прорезали тьму подвала, показав бетонные полы и лениво кружащиеся в воздухе частицы пыли, а над головой – треснувшие пластиковые трубы водопровода и канализации. Артерии и вены дома, который давным-давно умер.

Марии не нужно было смотреть на мобильник Сары – она и так знала, что проспала. Пора просыпаться и выходить. Пора продавать воду.

Немногочисленные вещи Марии висели на гвоздях рядом с короткими майками и обтягивающими шортами – рабочей одеждой Сары. На Марию сверху вниз смотрела плюшевая лягушка, которую Сара нашла в брошенном доме и подарила Марии. Ее розовая пластмассовая расческа, которой они пользовались вместе, лежала на бетонном выступе, рядом с аккуратно разложенными разлохматившимися зубными щетками, старыми заколками и парой тампонов, которые Сара берегла на тот случай, если придется работать во время менструации.

Остальные вещи лежали в покрытом шрамами и блестками красном чемодане на колесах. Многие из них остались от Тэмми Бэйлесс, которая уехала на север со всей семьей. У них с ней был один размер, и она просто подарила им чемодан, набитый вещами, пока отец не успел их продать.

– Берите, – шепнула она в темноте.

И уехала с родными на следующий день.

Порывшись в чемодане, Мария нашла сравнительно чистые вещи. Иногда они с Сарой развешивали их и палками выбивали грязь и пыль. Кроме того, Сара время от времени приносила их белье в номера отелей, где работала, и там стирала – если мужчины разрешали ей помыться в душе.

Мария натянула шорты и майку с надписью «Неустрасимый», гоня прочь воспоминания о том, как мать стирала одежду в машине и аккуратно складывала ее на постели дочери. Затем поднялась по лестнице и отперла дверь.

От яркого света заслезились глаза. Снаружи стоял густой дым – коричневая дымка в безоблачном небе. Воздух пах пеплом. Ветер нес его из Калифорнии и с горящих гор.

Мария выглядывала из-за двери и ждала.

Пока на улице было тихо. Признаки жизни подавали немногие: техасцы, которым, как и ее отцу, повезло получить работу в аркологии Тайян, люди, которые разбирались в сложной системе канализации, или утилизации водорослей, или умели управляться с промышленным резакон.

Мария закрыла дверь, спустилась по лестнице и присела на корточки рядом с Сарой. Потрясла ее.

– Просыпайся. Нам пора. Нужно доставить воду на точку Туми.

Сара застонала.

– Может, сама сделаешь?

– Если хочешь получить свои деньги, придется попотеть.

– Афера с водой – твоя идея, а я просто инвестор.

– Вот как? А ну, давай сюда простыню! – Мария сдернула ее с Сары и увидела бледную кожу подруги и красные нейлоновые трусики, которые так нравились мужикам.

Сара свернулась в клубок, крепко прижав к себе тощие ноги. На бедрах резко выделялась линия загара.

– Да ладно, Мария, зачем ты так? Дай мне хотя бы проснуться.

Мария ткнула ее под ребра.

– Мы провернули дело только наполовину. Давай, девочка. Нужно превратить нашу воду в деньги. Просто сидеть на ней нельзя.

Мария говорила решительно, притворяясь, что у нее есть план и что все под контролем. Но при виде огромного количества воды она занервничала. Она знала, что людям захочется ее просто отнять. Нужно было превратить воду в наличные – компактные листочки бумаги, которые можно засунуть в лифчик и тем самым постараться уберечь.

– Стервятники уже кружат, сестренка. Нужно действовать сейчас, пока все спят. Пока Туми не ушел на работу. Нам нужен Туми.

Сара схватила простыню, накрылась ею с головой.

– Я сплю.

Она напонила Марии котенка, которого она нашла в помятой урне. У котенка не было матери – возможно, какой-то игольщик поймал ее и зажал. Малюсенький котенок свернулся клубочком и мяукал, просил того, чего никогда не получит. Мария погладила крошечное существо, понимая, что он мечтает о молоке, которое никто ему не даст.

Вот и сейчас нельзя просто лежать и молиться о спасении. А Сара... Хотя Сара строила из себя крутую, на самом деле была хрупкой. Даже торгуя своим телом, она надеялась, что кто-то о ней позаботится. По-прежнему считала, что ее жалкая жизнь представляет для этого мира какую-то ценность.

Сара. Котенок. Отец Марии. Все они одинаковы.

Мария с силой толкнула подругу.

– Давай.

Сара, взъерошенная, села и прищурилась.

– Встаю, встаю...

Она зашла в приступе кашля, извергая из себя дым и пыль, которые накопились в груди за ночь. Потянулась за бутылкой воды.

– Ты пьешь наши деньги, – напонила Мария.

Сара косо взглянула на нее.

– Мои деньги, ты хочешь сказать.

Мария скорчила гримасу в ответ, схватила их «Клирсэк» и полезла наверх по лестнице.

В дымном утреннем свете она поспешила по красному гравию к сараю за домом, где ее отец вырыл отхожее место. Он называл это «сортир» – чтобы их жизнь была более цивилизованной, чтобы они не срали под открытым небом, как остальные техасцы, которые не успели вовремя найти автоуборную.

Мария закрыла дверь и намотала на гвоздь кусок бечевки, который был вместо задвижки. Затем села на корточки над ямой, морщась от вони, открыла мешок – «Клирсэк» и помочилась в него. Закончив, она повесила мешок на гвоздь и подтерлась туалетной бумагой, которую Сара украла в отеле у одного из клиентов. Затем натянула шорты и быстро вышла, держа в руках наполовину наполненный «Клирсэк».

– Квартплату принесла?

Взвизгнув, Мария развернулась и упала, едва не выронив мешок.

За дверью стоял, прислонившись к стене сортира, один из громил Вета: толстые светлые дреды, косой глаз, смотревший на мир под странным углом, лицо с кучей пирсингов из кости и серебра; белая кожа, которая сгорела, загорела и снова сгорела столько раз, что он превратился в шелушащуюся мозаику из красных, желтых и коричневых кусков.

– Ты меня напугал!

Дамьен хитро улыбнулся.

– О, меня можешь не бояться, детка. Мне от тебя ничего не нужно – только квартплата. – Он помолчал. – Ну?

Мария поднялась, аккуратно держа «Клирсэк», который ей удалось не расплескать. Значит, даже если Нгуены не подняли тревогу, она все равно не могла чувствовать себя в безопасности. Да, отец Марии выручил их – отвез миссис Нгуен в палатку «Красного Креста» в кузове своего пикапа, когда у нее начался сепсис во время беременности. Но это не означало, что Нгуены будут защищать ее от человека, который мог уничтожить всю их семью.

– Не подкрадывайся ко мне так, – сказала Мария. – Я этого не люблю.

Дамьен лишь рассмеялся.

– Бедняжка не любит, когда к ней подкрадываются... – Вразвалочку он подошел к ней. – Это тебе бесплатный урок, *putita*¹⁵. Есть куча людей, которые подкрадываются лучше меня, а бьют сильнее. – Он пощекотал ее под подбородком. – Хочешь, дам совет? Думай, как кролик, и держи ушки на макушке, прежде чем вылезти из норы, ясно?

«Почему я ему доверяю?» – подумала Мария. Он ведь не ее друг. Наверняка выбросит ее на улицу, если не получит плату, или даже выпустит из нее кровь, чтобы продать на черном рынке. Или будет торговать ее телом, чтобы платить Вету то, что ему причитается.

И все же в эти дни, когда она молилась о защите, чаще всего перед ней появлялось лицо Дамьена. Не друг, зато и техасцев не ненавидит. Да, может, он извращенец, однако не из тех, кто охотился на таких, как Мария. Выбирать ей особо не приходилось.

– Деньги у тебя?

Мария помедлила.

– У меня есть время до вечера.

– Значит, нет?

Когда Мария не ответила, Дамьен рассмеялся.

– Думаешь, тебе удастся добыть деньги за двенадцать часов? Ты продаешь свою маленькую *culo*¹⁶, а я об этом не знаю?

Мария снова помолчала.

– Денег у меня нет. Есть вода. Несколько литров. Если не продам ее, заплачу водой.

Дамьен ухмыльнулся.

– Ах да. Говорят, какие-то девочки сорвали куш у насоса «Дружба». Нагрузили целую тележку. За такое с тебя налог нужно брать – за то, что ты ее сюда притащила.

– Если хочешь получить плату, я должна ее продать.

– Может, я возьму твою плату водой прямо сейчас. Избавлю от трудов.

– Эту воду? – Она выставила вперед «Клирсэк» с темно-желтой мочой.

Дамьен рассмеялся.

– Не, эту дрянь я не пью. Она для техасцев.

– Когда я ее отфильтрую, будет обычная вода.

– Так себе и говори.

«Он просто меня испытывает», – подумала Мария. Но все равно ей было страшно. Если захочет, Дамьен отберет у нее воду. Всю воду, которая она купила так дешево и собиралась продать так дорого...

– Если заплатишь цену, которую дадут у Тайяна, можешь забирать.

– Которую дадут у Тайяна? – Он засмеялся. – Ты реально со мной торгуешься?

Она помедлила, пытаясь оценить угрозу. Дамьен пришел сюда, потому что узнал про воду. Но если она продаст ее ему, то в итоге просто останется при своих, снова станет нищей.

Он с улыбкой наблюдал за ней.

– Прошу тебя, дай мне ее продать. Заплачу тебе, как только вернусь. Ты же знаешь, у Тайяна я заработаю больше. У рабочих есть деньги, они готовы их тратить. Я дам тебе долю.

¹⁵ Putita (исп.) – шлюшка.

¹⁶ Culo (исп.) – задница.

– Долю? – Дамьен прикрыл глаза ладонью, защищая их от поднимающегося солнца, прожигающего все сквозь утренний дым и пыль. – Дай подумать... сегодня будет жарко. Можно продать много напитков... – Он осклабился. – Ладно. Если хочешь так горбатиться, валяй, действуй.

– Спасибо.

– Я же говорю – со мной всегда можно договориться. Но если хочешь получать реальное бабло, работай на меня. Покрасим тебя в блондинку, устроим к строителям-китайцам. Они твоё время сразу раскупят. Или, может, отвести тебя к палаткам «Красного Креста»? Пообщаемся с людьми, познакомим тебя с каким-нибудь симпатичным врачом из гуманитарной организации... – Он улыбнулся. – Все девушки мечтают выйти за врача, да?

– Перестань, – сказала Мария.

– Без проблем. Хочешь продавать воду у Тайяна, дело твоё. Только сначала заплати Эстебану, чтобы твои деньги дошли до Вета. Он сейчас у Вета.

– Может, я заплачу тебе?

– Если я возьму твои деньги и скажу Эстебану, что какая-то девка из Техаса будет торговать водой, он не поймет, какая, не узнает, заплатила ты или нет. Отнеси их ему сама. На хрена мне надо, чтобы этот урод на меня наезжал. У меня и так проблем хватает.

Из подвала вышла Сара.

– Ой. Привет, Дамьен.

– Именно эту güera¹⁷ я и ищу! Хорошо спалось? Квартплата с собой?

Сара замялась, бросила взгляд на Марию.

– Я...

Дамьен с отвращением хмыкнул.

– Мария, твою ж мать! Вытянула деньги у моей девочки? Да ты хуже сутенера!

– У нас есть вода, – ответила Мария. – Мы тебе заплатим.

– Долг за квартиру, вот что у тебя есть. Плюс ее откат мне. Так что давай, шевели булками. – Он махнул в сторону улицы. – И не забывай: здесь я добрый. Но если придется вызывать громил, ты окажешься на одной из вечеринок у Вета, а тебе это ни к чему.

Мария почувствовала, как Сара задрожала от страха при одном упоминании вечеринок Вета.

– Мы еще не задолжали, – наконец сказала Сара.

– И хорошо, так держать. Если Вет решит выбить свои деньги из двух техасских дырок, вам это не понравится. – Дамьен собрался было уходить, но вдруг снова повернулся. – И заплати Эстебану налог. Прежде чем заниматься предпринимательством, получи у него «добро». Это не моя территория.

Мария молча отвела взгляд, но Дамьен заметил ее выражение лица.

– Слушай, девочка, если Вету станет известно, что ты торгуешь без разрешения, он твои сиськи к стене прибьет.

– Знаю.

– Знаешь!.. – Дамьен скорчил рожу. – Ну конечно. Вот почему у тебя такой хитрый вид. Если будешь торговать у той аркологии, не заплатив налог, и парни Вета тебя поймут, он заставит тебя улыбаться во весь рот с помощью рыболовных крючков и ножа. Я не шучу. Жаль, если порежут такую симпатичную девочку.

Сара потянула Марию за плечо.

– Мы знаем, Дамьен. Они получают свою долю.

– А мне нужна моя.

Мария запротестовала, но Сара с силой стиснула ей руку.

¹⁷ Güera (исп.) – блондинка.

– И ты свою получишь.

Когда Дамьен ушел, Мария взорвалась.

– Ты что делаешь? Ты знаешь, сколько придется отдать?

Сара даже не стала повышать голос.

– Ты все равно много заработаешь. Давай, собирайся. Нужно заплатить Эстебану и отвезти тележку к Туми, пока люди не проснулись.

– Но...

Сара посмотрела ей прямо в глаза.

– Так уж оно устроено, сестренка. Не парься. Давай, идем платить налог и добывать наши деньги.

Она говорила тихо и успокаивающе, чтобы Мария поняла – сколько ни мяукай, молока никто не нальет.

Глава 7

Анхель – сокол на охоте – летел на юг.

Перед ним лежала пустыня Мохаве – сухая, открытая, обожженная; отшлифованные песком камни и бледная глина, покрытая коростой из креозотовых кустов и искривленных юкк. В небе бушевало солнце, а по федеральной автостраде двигался только один объект – «Тесла» Анхеля.

Анхель любил пустыню за то, что у нее не было иллюзий. Здесь корни растений разрастались вширь, а не вглубь, чтобы не упустить ни одной капли. Сок растений кристаллизовался, превращаясь в твердую смолу – растения сражались за каждую молекулу воды. Листья тянулись к суровому небу; их форма была рассчитана на то, чтобы уловить каждую случайную каплю влаги, которая на них упадет. Благодаря центробежному насосу такие места, как Небраска, Канзас, Оклахома и Техас, целый век рядились в одежды плодородия, притворялись зелеными и растущими, пока выкачивали ледниковую воду из древних водоносных слоев. Они распределили воду по земле – и на какое-то время заставили ее цвести. Огромные зеленые поля хлопка, пшеницы, кукурузы и сои – и все потому, что кому-то удалось запустить насос.

Эти края мечтали стать тем, чем не были. У них были устремления. А потом вода закончилась, и они отступили, слишком поздно сообразив, что процветание было взято взаймы, а теперь ушло навсегда.

Пустыня была другой – сухопарым, диким зверем. Она всегда откровенно охотилась за следующим глотком воды.

Скудный зимний дождь – все, что нужно юкке и креозотовым кустам для того, чтобы зацвести. Если здесь была иная жизнь, то она жалась к берегам рек, которые осмелились течь по раскаленным землям, и далеко от них не уходила.

Пустыня никогда не принимала воду как должное.

Анхель пришпорил «Теслу». Машина прижалась к земле и ускорила, рассекая самый честный край, который когда-либо видел Анхель.

Он мчал мимо контрольно-пропускных пунктов, заранее сообщая по рации свои данные для идентификации. Гвардии Невады в бронежилетах стояли по обочинам дороги и махали ему, приказывая проезжать. Где-то высоко кружили беспилотники, невидимые за дымовой завесой.

Время от времени Анхель замечал сверкающие на солнце линзы мощных прицелов, через которые бойцы ополчения следили за «Теслой». Это были добровольцы – мормоны и скотоводы из северной Невады: «Налетчики с южной границы», «Псы пустыни» и полдюжины других отрядов, набранных со всего штата, – вторая армия Кэтрин Кейс. Все они вносили вклад в защиту своей хрупкой земли обетованной от толп беженцев.

Анхель подозревал, что кое-кого из тех, кто притаился на каменистых грядках, он знает. Он помнил их лица, превратившиеся в маски ненависти, их глаза, в которых пылала жажда убийства. В то время он сочувствовал их безнадежному гневу. Он был их самым страшным кошмаром: он, нож для воды из Вегаса, приходил в их дома, чтобы сделать предложение, от которого они не могли отказаться. Дьявол в черном, предлагающий страшную сделку ради спасения. Он заходил в их гостиные, садился на диваны с потрепанной обивкой и в разваливающиеся кресла. Он прислонялся к перилам, с которых слезла краска, стоял в душных, жарких конюшнях – и всегда делал одно и то же предложение. Негромко, словно заговорщик, излагал условия сделки, который позволит им не попасть в ад, созданный Кэтрин Кейс.

Предложение было простое: работа, деньги, вода – жизнь. Прекратите стрелять по Вегасу, начинайте охотиться на зонцев. Для тех, кто готов надеть на себя ярмо Управле-

ния водных ресурсов Южной Невады, не будет ничего невозможного. Им позволят подключиться к трубопроводу восточного резервуара. Кейс позволит им пить. Может, даже разрешит размазать немного воды по земле. Анхель обходил дома, предлагая людям последний шанс вытащить себя из пропасти.

И, как и предполагала Кейс, за него хватались обеими руками.

На границе появились отряды ополчения, встали на берегах реки Колорадо, поглядывая через нее на Аризону и Юту. Вдоль дорог выросли знаки предостережения – скальпы. Скованные цепями группы заключенных – зонцев и Веселых Перри – отводили обратно к реке и приказывали плыть на другой берег. Кому-то это даже удавалось.

Сенаторы из восточных штатов потребовали, чтобы Невада положила конец беззакониям, и губернатор Эндрюс покорно отправил Национальную гвардию ловить бандитов. Он устраивал показательные аресты, выстраивал преступников в зале суда. Как только камеры выключались, с обвиняемых снимали наручники и ополченцы Кэтрин Кейс возвращались на свои посты на берегу реки.

Анхель пересек границу у озера Мид. Темные кольцевые следы, словно от грязной воды на стенках ванны, резко контрастировали с бледными камнями резервуара. Когда-то, задолго до Анхеля, уровень воды здесь едва не превышал высоту плотины Гувера. Тогда озеро было наполнено. А теперь пристани лежали на плоском грязевом дне, словно сломанные игрушки. Многочисленные беспилотники и гвардейцы охраняли съезжившийся источник воды Вегаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.